

тасево, Мордвинкино и др.), жалованные в крепостные бригадиру Тевкелеву за подавление выступлений в Башкирии. Крестьяне решили всеми силами отбиться от крепостничества. Попробовали писать челобитные и посылали ходоков в различные канцелярии, но в ответ получали наказание кнутом и плетью. Тогда, отчаявшись добиться справедливости, они наотрез отказались подчиняться помещику [Тевкелеву] и местным властям. С октября 1742 по январь 1743 г. начались упорные и кровопролитные бои крестьян с правительственными войсками. Особенно ожесточенное сражение произошло у деревни Чишма, куда прибыл [для подавления восставших крестьян] воинский отряд в 500 солдат. Они обстреляли восставших, несколько человек было убито и ранено. Сражения и «смертные убийства» были и в других деревнях Терсинской волости (ныне Агрызский район ТАССР). Не покорившись, многие крестьяне ушли в глухой лес, на реку Селеуша, откуда совершали нападения на владения Тевкелева, угрожая убить самого помещика. Особенно дерзко действовал вооруженный отряд во главе с «атаманом» Хабибуллой»¹.

Прослужив 50 лет и находясь в отставке, генерал-майор Тевкелев решил стать заводовладельцем. 7 сентября 1758 г. он получил разрешение на постройку медеплавильного завода, предварительно зарегистрировав в своих вотчинных землях множество медных рудников. Завод с четырьмя медеплавильными печами был пущен 15 ноября 1760 года². Назывался он по речке и имени владельца — Варзино-Алексеевским. Размещался завод на вотчинных землях А. И. Тевкелева в Сарапульском уезде Вятской губернии (ныне Агрызский район Татарской АССР) на речке Варзе, правом притоке р. Иж — правого притока Камы.

В 1763 г. в Петербурге рассматривался вопрос о назначении А. И. Тевкелева оренбургским губернатором, но на эту должность был назначен Д. В. Волков³.

А. И. Тевкелев, уже имея вотчины в Уфимском уезде, заботился о расширении их. Так, его сын капитан Осип Алексеевич Тевкелев в июне 1759 года оформил запись с башкирами Казанской дороги Кыр-Иланской волости

¹ История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Казань: Татарское книж. изд., 1968, с. 137—138.

² Павленко Н. И. Указ. соч., с. 423.

³ Соловьев С. М. Указ. соч., кн. 13, с. 241. В указателе имен (кн. 15, с. 553) сведения о А. И. Тевкелеве в кн. 10, с. 591—593, 595, 600, 658 ошибочно отнесены к Муртазе Тевкелеву.

о припуске его на башкирские земли по рр. Чапрея, Куяш, База, Карман, Шелтык и др. за 70 рублей. Осипу Тевкелеву по этой сделке разрешалось на этой большой площади «пашню пахать, сено косить, борти делать, рыбу ловить и всякого зверя побивать, хмель щипать и мельницы в пристойных местах строить. А ежели где ему, Тевкелеву, детям его и по нем наследникам понадобится на той нашей земле строиться деревнями, то на оное строение лес рубить столько, сколько ему понадобится. А нам, Муртазе товарищи, в том не спорить и помещательства никакова не чинить»¹. Другими словами, припуск этот открывал возможность Тевкелевым для наиболее дешевого приобретения большого количества плодородных земель и богатых угодий. Впоследствии Тевкелевы на реке Базе поселили свою деревню Новая Волтачева. Но не ограничиваясь этим, генерал-майор А. И. Тевкелев продолжал расширять свои земельные владения. Так, в мае 1761 года он покупает у башкир Казанской дороги Каршинской волости земли по р. Кармасану за 120 рублей, а в июне того же года покупает у башкир Кайлинской волости земли и леса по рр. Карамале, Сюню, Карагате, Сигиняды и др. за 200 рублей².

Таким образом Тевкелевы становятся крупными землевладельцами Оренбургской губернии.

А. И. Тевкелев умер между 1765 и 1770 годами.

В 1770 г. сын и наследник Алексея Тевкелева — Осип Алексеевич Тевкелев — владел медеплавильным Варзино-Алексеевским заводом вместе со своим компаньоном Фитоновым.

В декабре 1773 года заводские крепостные крестьяне примкнули к восстанию Пугачева, завод был остановлен, имущество конфисковано³.

Секунд-майор Осип Тевкелев, возглавляя карательный отряд, принимал участие в охране от повстанцев города Бугульмы, а в декабре 1773 года был убит повстанцами⁴.

Вдова Осипа Тевкелева, Дарья Алексеевна, владела заводом в компании с Фитоновым и после Крестьянской

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 4, ч. 1, с. 176, 177.

² Там же, с. 207—209, 211—213.

³ Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М.: Наука, 1969, с. 330.

⁴ Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов. Уфа: Башкиргоиздат, 1975, с. 352; Павленко Н. И. Указ. соч., с. 425.

войны 1773—1775 гг. до 1798 года, когда завод сгорел и прекратил свое существование¹.

По пятой ревизии 1795 года, за майоршей Дарьей Алексеевной Тевкелевой по деревне Болтачева на р. Варзе в Сарапульском уезде числилось 36 душ мужского пола крепостных крестьян (17 дворов)². Ревизских сказок Сарапульского уезда Вятской губернии и ревизских сказок 1795 года по Белебеевскому уезду в уфимском архиве нет. Как же эти сведения оказались в уфимском архиве? А дело в том, что по переписи 1795 года случайно или по каким-то причинам сведения по этой сарапульской деревне были даны по Белебеевскому уезду. В переписи 1811 года эту ошибку исправили, но для сопоставления с предыдущей переписью была составлена на деревню дополнительная ревизская сказка по владениям сына Дарьи Алексеевны — Петра Осиповича Тевкелева — с прочерком данных за 1811 год и с указанием упомянутых выше сведений за 1795 год.

Петру Осиповичу Тевкелеву после отца в наследство досталось в Уфимском наместничестве 897, в Вятском — 1130 и в Рязанском — 83 души обоюбого пола крепостных крестьян³.

В Белебеевском уезде по шестой ревизии 1811 г. он имел:

— в сельце Килимово 212 душ крестьян (96 дворов) и 6 душ дворовых (4 семейства). Наличие дворовых людей говорит о том, что здесь была помещичья усадьба Тевкелевых;

— в деревне Новая Болтачева на р. Базе — 70 душ (24 двора);

— в д. Ахунова — 47 душ (13 дворов);

— в д. Устюмова — 39 душ (13 дворов);

— в д. Карьевдина — 26 душ (18 дворов).

В 1811 году переписывалось только мужское население, поэтому показано только число душ мужского пола. Из ревизской сказки видно, что в 1795 году все эти деревни в Белебеевском уезде уже существовали с общим числом крепостных крестьян — 223 души мужского пола⁴.

Из детей Осипа Алексеевича Тевкелева нам известна дочь его Екатерина Осиповна, вышедшая замуж за майора, князя Черкасского, и владевшая в 1811 году в Белебеевском уезде именьями:

— в деревне Тюрюш-Тамак — 9 душ дворовых (5 семейств) и 10 душ крестьян мужского пола (5 дворов);

— в д. Ломова — 60 душ (36 дворов); все крепостные были татары¹.

Ей же в 1811 году в Уфимском уезде в д. Кугушева принадлежало имение: 5 душ муж. пола дворовых и 14 душ крепостных крестьян².

Вдова Осипа Алексеевича Тевкелева — Дарья Алексеевна — умерла в 1806 году: именно в этом году достались крепостные по наследству ее дочери³.

Следует иметь в виду, что у Тевкелевых были вотчины еще в Казанском и Сарапульском уездах и могли принадлежать другим наследникам Осипа и Дарьи Тевкелевых, если таковые были.

Теперь перейдем к ответам на ранее поставленные вопросы.

1. Сальме Тевкелева, после крещения и замужества — Серафима Ивановна Тимашева, по своему возрасту, а также по месту и времени описываемых С. Т. Аксаковым событий, которые происходили около 1790 года, могла быть только дочерью Осипа и Дарьи Тевкелевых — внучкой генерал-майора Алексея Ивановича Тевкелева.

2. Погоню за беглецами могла организовать мать — Дарья Алексеевна Тевкелева, так как отец умер еще в 1773 г.

3. Побег был совершен из имения в Белебеевском уезде, что согласуется и с расстоянием до Уфы, указанным С. Т. Аксаковым «около ста верст». Вероятнее всего это было сельцо Килимово: только там была усадьба Тевкелевых.

4. Беглецам пришлось пересекать «глубокую, лесную, неприступную реку, затруднительная переправа через которую вплавь задержала преследователей часа на два», так как солдаты и офицеры, помогавшие Тимашеву, догадались разломать мост через нее. Можно убедиться по карте, что это была река Чермасан, левый приток Белой.

5. Вопрос о судьбе двух сыновей Сальме самый трудный. Есть сведения о Дмитрие Ивановиче Тимашеве, под-

¹ Любомиров П. Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и начало XIX вв.). Л.: Гос. соц. эконом. издат, 1937, с. 207.

² ЦГА ВАССР, ф. 138, оп. 2, д. 96, с. 267, 267 об.

³ Ханьков Я. В. Указ, соч., с. 20.

⁴ ЦГА ВАССР, ф. 138, оп. 2, д. 96, л. 269—282.

¹ ЦГА ВАССР, ф. 138, оп. 2, д. 96, л. 297—299.

² ЦГА ВАССР, ф. 138, оп. 2, д. 117.

³ Там же, д. 96, л. 294, 294 об.

поручике, который в 1844 году служил заседателем в Бугурусланском уездном суде. Можно предположить, что он и был одним из сыновей Сальме¹.

Иван Лаврентьевич Тимашев во второй половине XVIII века покупал земли не только к востоку от Оренбурга, которые впоследствии достались его сыну Николаю, о чем сказано в предыдущей главе. Огромные земельные владения были им куплены в 1757 году по рр. Сарабаю и Кинелю [Большой Кинель] и в 1779 году — по р. Арменяку², притоку р. Большой Кинель. Ныне эти земли расположены на территории Кинель-Черкасского и Похвистневского районов Куйбышевской области.

И сейчас можно на карте видеть станцию Тимашево на реке Большой Кинель на железнодорожной ветке, идущей от ст. Кротовки на Сергиевск. Можно предположить, что эти земли впоследствии принадлежали второму сыну Ивана Лаврентьевича — И. И. Тимашеву. И. И. Тимашев и его сыновья в уфимских архивных документах не встречаются, можно предположить, что, овдовев, И. И. Тимашев недолго жил в Уфе, переехав в свои имения, расположенные в западной части Оренбургской губернии.

Обратим внимание еще на одну деталь: родство между семьями Тимашевых и Тевкелевых, помимо брака Сальме, было и по линии жены Николая Ивановича — брата И. И. Тимашева — Федосьи Петровны, урожденной Черкасской. А сестра Сальме, Екатерина Осиповна, была замужем за князем Черкасским. Можно предположить, что это родство и послужило поводом для знакомства И. И. Тимашева и Сальме.

Следует иметь в виду, что у Тевкелевых, кроме выше названных вотчин в Казанском и Сарapulьском уездах, были еще и другие: в Елабужском уезде Вятской губернии у них были крепостные в двух селениях³; в Алаторском уезде той же губернии — в деревне Антонова (Наромуш); в Касимовском уезде Рязанской губернии — в с. Подлипки; в Мензелинском уезде Оренбургской губернии — в дер. Кадыкова⁴; в Бирском уезде той же

¹ Адрес-календарь или Общий штат Российской империи на 1844 г. СПб., 1844, с. 142.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4, ч. 1, с. 152, 153; там же, т. 5, с. 81, 82.

³ Столетие Вятской губернии 1780—1880, т. 1. Вятка, 1880, с. 233, 1 п.

⁴ ЦГА БАССР, д. 138, оп. 2, д. 96, л. 269—275.

губернии — в с. Себерганово¹. Все эти вотчины могли принадлежать и другим наследникам Осипа и Дарьи Тевкелевых, если таковые были.

Составляя родословную Тевкелевых по имеющимся документам, встречаемся с затруднением, так как одни и те же лица то названы православными именами, то магометанскими. Если сын Алексея Ивановича Тевкелева — Осип Алексеевич — во всех известных нам документах упоминается только под этим именем, то уже его внуки имеют по два имени: Сальме — после крещения Серафима Ивановна, по мужу Тимашева; Шагингарей² — после крещения Петр Осипович; внучка, первоначальное имя которой нам неизвестно, — после крещения Екатерина Осиповна, по мужу Черкасская. Дети Петра Осиповича Тевкелева нам известны и с православными именами: штабротмистр Александр, майор Павел и гвардии полковник Алексей и их сестры: Елена, Дарья и Луиза. Все они имели также и магометанские имена. О сыновьях скажем позже. Луиза до крещения — Фатыма, по мужу Бикмаева; еще одна из их сестер имела имя Гайша³. О Гайше Тевкелевой, после крещения — Федосья Петровна — в уфимском архиве имеется целое дело на 28 листах. Собираясь выйти замуж, племянница Сальме крестилась. Но жених умер, и Гайша пожелала вернуться к магометанской вере. Дела о переходе из православия в магометанство воспринимались правительством очень болезненно. Прошение Гайши дошло до царя, который 7 мая 1847 года «высочайше повелеть соизволил, ...так как девица Тевкелева к принятию православной веры могла быть принуждена желанием вступить в брак с губернским секретарем Коко, который впоследствии умер, то предоставить предварительно Епископу Оренбургскому и Уфимскому распорядиться по его усмотрению ...о вразумлении Тевкелевой, через благонадежных духовных лиц, не делая ей впрочем никакого стеснения, дабы христианского благостью утвердить ее в православии»⁴.

Дело заканчивается разрешением на выдачу ей паспорта на один год для выезда из сельца Килимова на лечение и остается неизвестным, удалось ли «утвердить ее в православии».

В документах перед отменой крепостного права сыновья Петра Осиповича Тевкелева именуются соответ-

¹ ЦГА БАССР, д. 138, оп. 2, д. 712, л. 1—6.

² Там же, ф. 7, оп. 1, д. 229, л. 18.

³ Там же, ф. 138, оп. 2, д. 673, л. 34—35, д. 508, л. 544—629.

⁴ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 2298, л. 1, 1 об.

венно: Салимгарей, Батыргарей и Сеитгарей Шангареевичи, и упоминаются как владельцы помещичьего имения в Белебеевском уезде, состоявшем из земельных владений и шести деревень с 1025 душами крестьян мужского пола¹. Из вышесказанного видно, что в различных документах они названы то православными, то магометанскими именами.

В 1870 году в сельце Старое Килимово (Килимово) в 163 дворах проживали 919 жителей, за исключением 13 человек русских, все остальные были татары. В селе были училище, мечеть, на речке Идяше — водяная мельница. Жители занимались пчеловодством². О хозяйстве Тевкелевых в сельце Килимово накануне первой мировой войны упоминает П. П. Семенов-Тянь-Шанский. В имении было 6885 десятин земли. Кроме полевого хозяйства велось скотоводство, имелся конный завод. Здесь же располагалось имение Джантюриной (550 десятин), где также имелся конный завод, до 80 голов крупного рогатого скота и до 4000 овец. При имении были водяная мельница, кирпичный завод и кумысолечебница³.

Ныне село Килимово является центром одноименного сельсовета Буздякского района Башкирской АССР. Здесь же находится правление колхоза им. Фрунзе. На 1 января 1969 г. число жителей составляло 931 чел.⁴

Один из сыновей Петра Осиповича Тевкелева, Хаджи Салим Гарей Шангареевич (Александр Петрович, отставной штабротмистр), был оренбургским муфтием и умер на 77-ом году жизни 2 января 1885 года. «На торжественных похоронах его высокостепенства присутствовало все уфимское общество — магометанское и христианское»⁵.

Племянник муфтия, праправнук Алексея Ивановича Тевкелева, родившийся в 1850 г., Кутлу Мухамет Батыр-

¹ Приложение к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. 2... Оренбургская губ. СПб., 1860, с. 6, 7; Справочная книжка Уфимской губ. на 1883 г., отд. 1, с. 81.

² Списки населенных мест Российской империи, т. 45, алфавит.

³ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Россия. Полное географическое описание отечества, т. 5, Оренбургский край, СПб., 1914, с. 454. Суфия Тевкелева была замужем за Джантюриным.

⁴ Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 сентября 1981. Уфа: Башкирское издательство, 1981, алфавит; То же, изд. 5, алфавит.

⁵ Памятная книжка Уфимской губ. на 1891 г., Уфа, 1891, с. XXXVIII; Справ. книжка Уфимской губ. на 1883 г. ... отд. 1, с. 81.

гареевич, отставной гвардии полковник, Белебеевский уездный предводитель дворянства, был депутатом Государственной думы от партии кадетов¹.

На перекрестке улицы Бельской и Случевского переулка (ныне Салавата Юлаева и Благоева) на усадьбе, расположенной против зубовского дома Аксаковых, и в наше время сохранился двухэтажный кирпичный дом, принадлежавший до революции Фатыме Сулеймановне Тевкелевой², видимо, жене одного из сыновей Петра Осиповича Тевкелева. Это как раз та усадьба, на которой, по воспоминаниям С. Т. Аксакова, в конце XVIII и начале XIX вв. размещался дом его «книжного благодетеля С. И. Аничкова» (1; 300).

Перейдем теперь к описанию усадьбы Тевкелевых в сельце Килимово, расположенной в 25 км к северу от железнодорожной станции Буздяк. В настоящее время там сохранились дворец, развалины мечети и остатки парка. Постановлением Совета Министров Башкирской АССР усадьба объявлена памятником архитектуры середины XIX века. Ценное описание этого архитектурного памятника дано Б. Г. Калимуллиним:

«Сыновья и внуки Тевкелева³, владельцы дворца в Килимово, беспощадно эксплуатировали и угнетали крестьян. О тяжелом крепостном труде и притеснениях Тевкелевых в народе и сейчас рассказывают с негодованием.

Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции крестьяне окружающих селений фактически находились в полной кабале у Тевкелевых. Все лучшие пахотные земли, луга, пастбища и леса принадлежали помещикам. Население не имело права пользоваться даже дикими ягодниками...

Усадьба в Килимово, на которой размещены здания дворца и мечети, расположена на возвышенном месте на берегу реки Идяш⁴. Территория усадьбы, раньше почти полностью покрытая зелеными насаждениями, занимает около 3 га. Усадьба состоит из двух частей: нижнего парка, расположенного в пойме, и верхнего парка, возвышающегося над поймой примерно метров на 15...

¹ Государственная дума. Наши депутаты. 1 созыв. М., Адрес-календарь Уфимской губ. на 1916 г., Уфа, 1916, с. 12, 18, 75, 87.

² Справочная книжка Уфимской губ. на 1883 г. ... отд. 4, с. 169; Список улиц и домовладений г. Уфы. Уфа, 1904, с. 5, 264.

³ В середине XIX века дворец мог быть построен не сыновьями и внуками А. И. Тевкелева, а его правнуками — авт.

⁴ Речка Идяш — левый приток р. Чермасана — авт.

В парке часто устраивались увеселения с участием гостей из соседних поместий и городов. В помещичью усадьбу приглашались и гости с дач, расположенных в березовой роще (Саукалык), недалеко от деревни Килимово. Саукалык пользовался широкой известностью как кумысолечебница и также принадлежал Тевкелевым...

Многочисленный штат прислуги помещался в деревянном доме, построенном вне основной усадьбы...

Известняк (для мечети) обрабатывался на месте добычи — в карьерах близ деревни Ильчикеево, в 10 км от места строительства...

Стены дворца и мечети — из хорошо обожженного красного кирпича, производство которого было налажено недалеко, выше по течению реки Идыш...

По многим устным свидетельствам, дворец был сооружен в 1852 году, а мечеть — 1856 году...

В «Оренбургских губернских ведомостях» за 1859 г. упоминается кумысолечебница в деревне Килимово и попутно, без каких-либо комментариев, отмечены дворец и парк. Других сведений о времени постройки в литературе мы не обнаружили¹.

¹ Калимуллин Б. Архитектурные памятники Башкирии. Вып. 2, Дворец в Килимово. Уфа: Башкиргиздат, 1957, с. 5—17.

После смерти первого ребенка, дочери Прасковьи, мать С. Т. Аксакова опасно заболела. Лечившие ее тогда уфимские доктора Ф. И. Занден, Ю. А. Авенариус и А. М. Клоус, «которые все очень ее любили, несколько дней опасались за ее рассудок, потому что она никого не узнавала». Далее С. Т. Аксаков сообщает, что с большим усердием «принялись доктора за лечение, которое представляло своего рода опасность, потому что медики слишком любили свою пациентку: один предвидел чахотку, другой сухотку, а третий боялся аневризма. По счастью, все согласилось в одном, чтобы немедленно отправить больную в деревню, на чистый, именно лесной, воздух и на пользование кумысом. В начале июня растительность трав находилась еще в полной свежести, и питье кобыльего молока было еще не опоздано» (1; 260).

Для курса лечения кумысом было выбрано имение Алкина под Уфой.

С. Т. Аксаков оставил нам много чудесных страниц описаний природы в окрестностях Уфы. Вот одно из них.

«В двадцати девяти верстах от Уфы по казанскому тракту, на юго-запад, на небольшой речке Узе, впадающей в чудесную реку Дему, окруженная богатым чернолесьем, лежала татарская деревушка Узы-тамак, называемая русскими Алкино, по фамилии помещика; в роскошной долине в живописном беспорядке теснилась эта деревушка на подошве горы Байрам-тау, защищавшей ее от севера; на запад возвышалась другая гора, Зеин-тау, а на юго-восток текла речка Уза, покрытая мелким лесом; цветущие поляны дышали благовонием трав и цветов, а леса из дуба, липы, ильма, клена и всяких других пород чернолесья, разрежая воздух, сообщали ему живительную силу» (1; 261).

А по другую сторону деревни Алкино шумела речка Куркул-даук. У С. Т. Аксакова в «Семейной хронике» имеется описание поташного завода, находившегося «в двух верстах от Алкина в глубине леса, на берегу прекрасной речки Куркул-даук... Завод этот уничтожен в 1848 году¹. В 1791-м только начиналась в Уфимском

¹ В 1842 г. завод принадлежал наследникам коллежского секретаря Михаила Осиповича Алкина, на нем было выработано 2000 пуд. поташа, см. ЦГА ВАССР, ф. 6, оп. 1, д. 188, л. 115—авт.

крае выварка поташа, истребившая впоследствии множество лучших пород чернолесья: липы, ильма, вяза и кле-на. Изобилие этих пород было так велико, что сначала только их и употребляли на поташ, потому что зола их несравненно выгоднее других. Продажа поташа представляла тогда огромные выгоды сравнительно с прочими отраслями доходов» (1; 263).

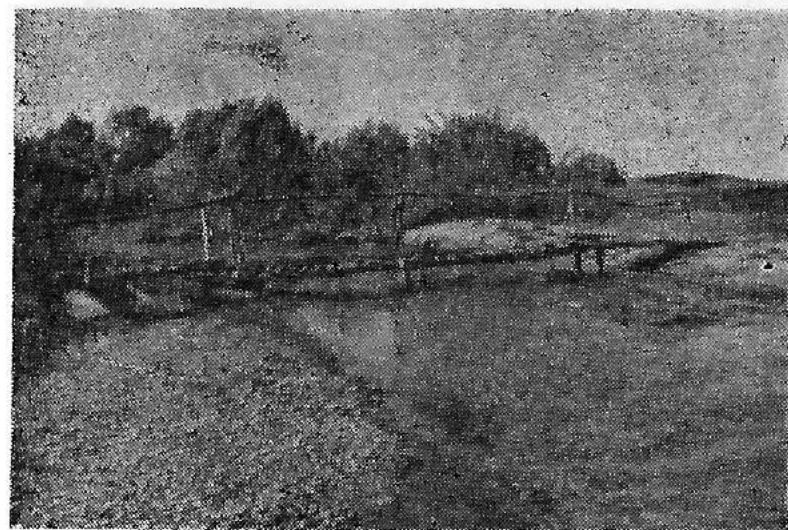
Поташ, или углекислый калий, применяется в сте-кольной, мыловаренной и химической промышленности. Россия издавна служила главным поставщиком поташа на мировом рынке: в 1873 году она вывозила 16000 тонн, а Северная Америка — 2288 тонн.

В 1832 г. в Оренбургской губернии было 75 поташных заводов¹.

О торговле поташем в Оренбургской губернии в 1860 году «Оренбургские губернские ведомости» сообща-ли: «По количеству приготовления поташа Оренбургская губерния занимает первое место в России. Поташ отсюда идет через С.-Петербург за границу и охотно там поку-пается... Поташные заводы расположены в уездах Бир-ском, Белебеевском, Уфимском, Мензелинском, Стерли-тамакском. Весь поташ, приготовляемый ими, отправля-ется обыкновенно по воде. Главная поташная пристань — Челнинская на Каме Мензелинского уезда, с которой идет ежегодно до 50 тысяч пудов; с Бирской отправляет-ся иногда от 20 до 30 тысяч пудов; с Уфимской также около того количества; кроме того поташ идет с Кутлу-баевской, Ангазякской и Дуванейской пристаней»².

С 1874 года добывание поташа из золы древесных пород в России сокращается вследствие мероприятий, на-правленных против хищнического истребления лесов. По-таш стали изготовлять из золы стеблей подсолнечника, а затем путем электролиза хлористого калия.

Однако и в 1883 году на территории Уфимской губер-нии еще насчитывалось 27 поташных заводов³, предпри-имчивые владельцы которых продолжали сжигать пре-краснейшие лесные массивы. Для получения поташа тре-бовалось большое количество воды, и поташные заводы поэтому размещались только по берегам рек.

Оборудование поташных заводов было очень простым и состояло из ряда чанов с двойным дном, причем верх-нее дно с отверстиями, выпаривательных сковород для сгущения раствора и отражательных печей для прокали-вания поташа. А сам производственный процесс заклю-чался в следующем: из золы, полученной после сжига-ния леса, водою выщелачивали растворимые соли, содер-жащиеся в золе, полученный щелок выпаривался, а за-тем сырой поташ прокаливали.

Если учесть, что содержание золы в древесине состав-ляет около двух процентов, а поташа в золе — лишь де-сять процентов, то можно себе представить, в каких ги-гантских размерах сжигались леса на подобных поташ-ных заводах и как губительно отражалось на самих речках это уничтожение лесов.

Но вернемся к аксаковскому описанию поездки роди-телей в Алкино.

«Гостеприимный хозяин и помещик этой деревни при-нял их с радушием: он имел порядочный дом с флиге-лями; Софья Николаевна [мать С. Т. Аксакова — Мария Николаевна] не захотела поместиться в доме, и для нее очистили флигель. Семейство хозяина было слишком любезно и внимательно к ней, так что доктор принужден был отдалить на время этих добрых людей, которые хо-тя были мусульмане по вере, но говорили довольно хоро-шо по-русски. Одежда и образ жизни их представляли тогда пеструю смесь татарских и русских нравов, но

¹ Жуковский И. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 гг. СПб., 1832, с. 64.

² Выбор статей из Оренбургских губернских ведомостей за 1860 год. Уфа, с. 345—351.

³ Справочная книжка Уфимской губернии на 1882—83 гг. Уфа, 1883, отд. 3, с. 79.

кумыс был у них обычным питьем от утра до вечера. Для Софьи Николаевны готовили этот благодатный напиток уже цивилизованным способом, то есть кобылье молоко заквашивали не в турсуке, а в чистой, новой липовой кадучке. Хозяева утверждали, что такой кумыс менее вкусен и менее полезен; но больная чувствовала непреодолимое отвращение от мешка из сырой лошадиной кожи, и целебное питье готовилось для нее самым опрятным образом. Доктор устроил курс лечения и уехал в Уфу; Алексей же Степанович [отец С. Т. Аксакова — Тимофей Степанович] с Парашей и Аннушкой оставались безотлучно при больной. Воздух, кумыс, сначала в малом количестве, ежедневные прогулки в карете вместе с Алексеем Степановичем в чудные леса, окружавшие деревню, куда возил их Ефрем, сделавшийся любимцем Софьи Николаевны и исправлявший в то время должность кучера, — леса, где лежала больная целые часы в прохладной тени на кожаном тюфяке и подушках, вдыхая в себя ароматный воздух, слушая иногда чтение какой-нибудь забавной книги и нередко засыпая укрепляющим сном, все вместе благотворно действовало на здоровье Софьи Николаевны и через две, три недели она встала и могла уже прохаживаться сама. Доктор опять приехал, порадовался действию кумыса, усилил его употребление, а как больная не могла выносить его в больших приемах, то Авенариус счел необходимым предписать сильное телодвижение, то есть верховую езду. Дело тогда неслыханное и дикое в дворянском быту, которое не нравилось Алексею Степановичу и которое Софья Николаевна также находила неприличным. Напрасно хозяйские дочери подавали поучительный пример, пробегая на башкирских иноходцах целые десятки верст по живописным окрестностям, — Софья Николаевна долго противилась всем убеждениям и в том числе просьбам мужа, которого доктор положительно и скоро уверил в необходимости верховой езды. Приехали Чичаговы в гости к Багровым в Алкино, и, наконец, кое-как общими силами победили упрямство Софьи Николаевны; самую сильную побудительную причину к согласию был пример Катерины Борисовны Чичаговой, которая, как истинный друг, пожертвовала собственным предубеждением и стала ездить верхом сначала одна, а потом вместе с больною. При сильном телодвижении была предписана и другая пища, а именно: жирное баранье мясо, от которого Софья Николаевна также имела отвращение. Вероятно, доктор Авенариус в назначении диеты руководствовался пищеупотребле-

нием башкир и кочующих летом татар, которые во время питья кумыса почти ничего не едят, кроме жирной баранины, даже хлеба не употребляют, а ездят верхом с утра до вечера по своим раздольным степям, ездят до тех пор, пока зеленый ковыль, состарившись, не поседеет и не покроется шелковистым серебряным пухом. Лечение пошло отлично-хорошо, прогулки производились целым обществом вместе с дочерьми и сыновьями хозяина. Нередко заезжали на поташный завод, находившийся в двух верстах от Алкина, в глубине леса, на берегу прекрасной речки Куркул-даук. С любопытством смотрела Софья Николаевна, как кипели чугунные котлы с золою, как в деревянных чанах садился шадрик, как в калильных печах очищался он огнем и превращался в белые ноздреватые куски растительной соли, называемой поташом. Она любовалась живостью, с которою производилась работа, и проворством татар, которые в своих тюбетейках и длинных рубахах, не мешавших их телодвижениям, представляли для нее странное зрелище. Вообще хозяева были так любезны, что забавляли свою гостью песнями, плясками, конными скачками (зеинами) и борьбою своих мусульманских подданных... Через два месяца она поздоровела, пополнела, и яркий румянец заиграл на ее щеках.

Авенариус приехал в третий раз и был вполне утешен состоянием здоровья Софьи Николаевны. Он имел полное право торжествовать и радоваться: он первый предложил питье кумыса и управлял ходом лечения. Он и прежде очень любил свою пациентку, а теперь, так счастливо возвратя ей здоровье, привязался к ней, как к дочери...

К осени воротились молодые Багровы в Уфу» (1; 262—265). С. Т. Аксаков не называет имени Алкина и его детей; время описываемых событий по ходу повествования нужно отнести к лету 1790 года¹.

21 февраля 1790 года стряпчий Уфимского верхнего земского суда мурза Юсуп Алкин купил за 200 рублей у башкир Чуби-Минской волости Ногайской дороги земли по рекам Узе и Деме. Местность эта называлась Узытамак, то есть устье реки Узы². Новый владелец земли, Юсуп Алкин, быстро построил для себя дом с флигелями, заселил деревню, построил поташный завод на речке Куркул-даук и в первый же год своего владения мог принять на все лето гостей — Аксаковых.

¹ В примечаниях к тексту событие отнесено к 1791 году, что ошибочно (1; 261, 263).

² Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 275, 276.

Нуждаясь в деньгах, тот же Алкин, именуемый теперь губернским секретарем Осипом Андреевичем, через два года, 18 мая 1792 года, заложил свое имение на год за 600 рублей коллежскому советнику Андреяну Ивановичу Бореише¹.

По шестой ревизии 1811 года, в деревне Узы-Тамак, называемой также Мамет-Гиреево, Софьино, Сарыкамыш и Алкино, было 18 душ крестьян мужского пола у титулярного советника Осипа Андреевича Алкина и 19 душ — у его жены Софьи Осиповны; дворовых у них не было².

Можно предположить, что Софья Осиповна Алкина была дочерью Осипа Алексеевича Тевкелева и сестрой Сальме Тевкелевой: она имела крепостных в деревне Мордвы Елабужского уезда Вятской губернии, то есть в вотчине Тевкелевых³.

У О. А. и С. О. Алкиных были сыновья, коллежский секретарь Михаил и коллежский регистратор Николай.

Николай Осипович Алкин, видимо, детей не имел, так как после его смерти имение в Алкино досталось племянникам Александру и Константину Михайловичам и их матери Анне Алкиным, что видно по ревизским сказкам 1850 и 1858 гг.⁴

К этому же времени Михаил Осипович Алкин уже умер и его имение в Алкино наследовали вдова и три сына — коллежский регистратор Александр, губернский секретарь Константин, коллежский советник Алексей⁵.

Три сына Михаила Осиповича Алкина по различным документам, кроме упомянутых выше православных имен: Александр, Константин и Алексей, имели соответственно и мусульманские: Султан Гирей-Мухамет, Адиль Гирей-Мухамет и Биби Магипервиз⁶.

При отмене крепостного права крепостные крестьяне братьев Султан Гирей-Мухамета и Адиль Гирей-Мухамета Алкиных отказывались подписать уставную грамоту до отмежевания земель, назначенных им в надел⁷.

Адиль Гирей Алкин служил секретарем Магометан-

ского духовного собрания в Уфе, в 1864 г. он получил за выслугу лет чин титулярного советника¹.

Из детей Александра Михайловича Алкина для нас наибольший интерес представляет его дочь Эмилия Александровна (Гульсум Султановна) Алкина, правнучка аксаковских Алкиных. Дочь уфимских богачей Алкиных уходит из родного дома со студентом-репетитором, становится гражданской женой Василия Ивановича Кларка², участника народнических кружков 80-х годов, студента Казанского университета. После студенческих волнений в декабре 1887 г. Кларк был выслан под надзор полиции в Нижний Новгород. В квартире Кларка в Нижнем Новгороде М. Горький жил зимой 1889—1890 гг. после первого ареста. При аресте М. Горького в 1889 г. у него отобрали фотографию Э. А. Алкиной. Она также находилась под бессрочным негласным надзором полиции, числилась в жандармском донесении в списке лиц, посетивших квартиру Горького. Ее квартира — один из центров революционной мысли в Нижнем Новгороде в конце 80-х — начале 90-х годов XIX века³.

У Эмилии Александровны известны два брата: Кутлумухамет и Илиас Султановичи Алкины.

О первом известно по его активной общественной деятельности в дореволюционной Уфе. Он был гласным городской думы, членом попечительного совета Мариинской женской гимназии (ныне средняя школа № 3), членом совета Александровского ремесленного училища, членом правления Общества вспомоществования учащихся в высших учебных заведениях, почетным мировым судьей, членом Белебеевского уездного съезда и непременным членом отделения крестьянского поземельного банка⁴.

Жил он в Уфе в доме Е. Е. Ляхова по ул. Пушкинской, 83⁵. Он был одним из первых уфимцев, ознакомившихся с «Капиталом» К. Маркса⁶.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 316. О А. И. Бореише см. в очерке «Пекарские».

² ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 120, л. 521, 522, 529.

³ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 606, л. 123—128.

⁴ То же, д. 712, л. 95—102; д. 606, л. 128—129.

⁵ То же, д. 606, л. 129—136; д. 712, л. 105—109.

⁶ Давлетбаев Б. С. Введение уставных грамот в помещичьей деревне Башкирии. В кн.: Из истории феодализма и капитализма в Башкирии, Уфа: Башкиргоиздат, 1971, с. 111; ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 606, л. 137.

⁷ То же, с. 111.

¹ Оренбургские губернские ведомости, 1865, № 8, ч. офиц., с. 57.

² Дядя известного уфимского библиофила и статистика Н. Н. Барсова.

³ Горький А. М. ПСС, т. 30, с. 245, 521; Нижегородское окружение А. М. Горького (1889—1904). Библиографический справочник. Горький, 1968.

⁴ Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 г. Уфа, 1917, с. 43, 60, 77, 86; Справочная книга г. Уфы, изд. 3. Уфа, 1911, с. 189.

⁵ Справочная книга г. Уфы, изд. 3. Уфа, 1911, с. 189.

⁶ Барсов Н. «Капитал» К. Маркса в Уфе. — Советская Башкирия, 31 авг. 1967 г.

Илиас Султанович Алкин в годы революции и гражданской войны был членом Всероссийского мусульманского военного шуро и председателем Коллегии по осуществлению Урало-Волжского штата (КУВШ) в 1918 г.; начальником штаба башкирского белого войска (1918—1919); членом Башкирского ревкома (до июля 1920 г.).

Позже И. С. Алкин занимал видные посты в советских учреждениях; был наркомом труда Башкирской республики¹.

По сведениям 1870 г., село Узы-тамак (Михайловка, Алкина, Софьино) Уфимского уезда при р. Узе, которая в двух верстах от сельца впадала в реку Дему, имела 176 жителей (30 дворов). Там были мечеть, училище и водяная мельница; жители занимались пчеловодством².

Ныне село Узы-тамак — центр Алкинского сельсовета Чишминского района — находится на расстоянии одного

¹ Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Сборник документов и материалов под ред. Б. Х. Юлдашбаева. Уфа: Башкиргоиздат, 1959, с. 919; Очерки по истории Башкирской АССР, т. 2, с. 166.

² Списки населенных мест Российской империи., алфавит.

километра от ст. Алкино. В 1968 г. там проживало 452 человека¹. В двух километрах от села находится поселок санатория Алкино.

В литературе, кроме аксаковского описания, речка Куркул-даук встретилась нам еще в Списках населенных мест Уфимской губернии², при описании башкирской деревни Уптино, единственной находившейся на ее берегу. Деревня эта просуществовала до середины 1930-х годов. Остатки фундаментов домов и следы от колодцев еще сохранились и поныне, что и помогло нам точно определить местонахождение верховья речки. Еще лет 25 тому назад можно было наблюдать, как чуть ниже деревни Михайловки в реку Дему впадал широкой двухметровой лентой чистой воды ручей.

Лет 20 тому назад мы долго искали следы речки Куркул-даук. И только весной во время разлива вешних вод нам удалось услышать, как «ворчит» она. «Живет» эта речка всего несколько дней, пока не сойдет весенняя вода, и только в это время можно проследить и устье Куркул-даука. Речка питается за счет родников, но выше дороги Уфа — Чишмы вода полностью собирается в накопанные ямы и используется для поливки садовых участков.

Задача охраны природы требует принятия мер по восстановлению речки Куркул-даук, а в устье ее следовало бы соорудить хотя бы самый скромный монумент, как памятник природе, истории экономики и одновременно памятник литературный, выгравировав на камне строчки аксаковского описания речки.

Трудно сейчас даже выкупаться и на речке Узе, так она обмелела. Хотя еще совсем недавно речка была полноводной и богатой рыбой. О существовании на ней четырех водяных мельниц в деревне Салиховой упоминается в вышеназванном Списке населенных мест. Известен такой трагический случай. По воспоминаниям уфимского старожилы В. А. Смирнова, на этой речке около деревни Салиховой во время рыбной ловли в мае 1906 года утонули врач Н. В. Архангельский и его отец при попытке спасти сына.

¹ Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 янв. 1969 г. Уфа: Башкиргоиздат, 1969, алфавит.

² Списки населенных мест Российской империи., алфавит.

Вспоминая в «Детских годах Багрова-внука» уфимских друзей и знакомых своих родителей, С. Т. Аксаков отмечал: «Мне хорошо известны и памятливы только те, которые бывали у нас почти ежедневно и которые, как видно, очень любили моего отца и мать и нас с сестрицей. Это были: старушка Мертваго и двое ее сыновей Дмитрий Борисович и Степан Борисович Мертваго, Чичаговы, Княжевичи, у которых двое сыновей были почти одних лет со мною, Воецкая, которую я особенно любил за то, что ее звали, так же как и мою мать, Софьей Николаевной, и сестрица ее, девушка Пекарская; из военных всех чаще бывали у нас генерал Мансуров с женою и двумя дочерьми, генерал граф Ланжерон и полковник Л. Н. Энгельгардт; полковой же адъютант Волков и другой офицер Христофович, которые были дружны с моими дядями, бывали у нас каждый день; доктор Авенариус — также: это был давнишний друг нашего дома. С детьми Княжевичей и Мансуровых мы были дружны и часто вместе играли» (1; 357).

Еще раньше, в «Семейной хронике», С. Т. Аксаков писал: «Все, по-тогдашнему умные и образованные люди, попадавшие в Уфу, спешили познакомиться с Софьей Николаевной¹, пленялись ею и никогда не забывали. Большая часть таких знакомств обратилась впоследствии в дружбу с ее семейством, которая прекращалась только смертью. Из числа их я назову только тех, которых знал сам: В. В. Романовского, А. Ю. Авенариуса, П. И. Чичагова, Д. Б. Мертваго и В. И. Ичанского» (1; 143).

Из сказанного выше видно, что изучение уфимского окружения семьи родителей С. Т. Аксакова, помимо непосредственного отношения к аксаковской теме, имеет еще другое более общее значение изучения передовой образованной среды уфимского общества конца XVIII и начала XIX веков.

В предыдущих главах мы уже рассказали почти о всех упоминаемых Аксаковым фамилиях из уфимского окружения. Здесь вкратце остановимся на Волковых, Христофовиче и Ичанских, после чего перейдем к основной теме этой главы — Пекарским.

О Петре Николаевиче Волкове нам известно только то, что о нем сообщает сам С. Т. Аксаков: он был другом его дядей и любил дразнить маленького Сережу, а также столяра Михея, жившего в зубовском доме Аксаковых. «...в какой-то торжественный праздник, — пишет С. Т. Аксаков, — у губернатора был бал. Волков, распудренный, разодетый, в чулках и башмаках, перед самым балом заехал к нам, чтобы вместе с моими дядями отправиться к губернатору. Покуда дяди мои одевались, Волков, от нечего делать, зашел в столярную к Михею и начал, по обыкновению, дразнить его и мешать работать. Михей был особенно не в духе; сначала он довольствовался бранными словами, но, выведенный из терпения, схватил деревянный молоток и так ловко ударил им Волкова по лбу, что у него в одну минуту вскочила огромная шишка и один глаз запух. Ехать на бал было невозможно. Дяди мои хохотали, а бедный Волков плакал от боли и досады, что не мог попасть к губернатору, где ему очень хотелось потанцевать. Разумеется, все узнали это происшествие и долго не могли без смеха смотреть на Волкова, который принужден был несколько дней просидеть дома и даже не ездил к нам; на целый месяц я был избавлен от несносного дразнения» (1; 364).

Впрочем, полученный урок не пошел Волкову впрок и маленький Сережа, доведенный его шутками до иступления, тем же деревянным молотком нанес удар своему обидчику.

В нашем крае были известны три дворянских рода Волковых: один из них, древнейший, упоминается еще по списку 1635 года, два других более поздние, появились после 1818 и 1864 гг.¹ Известен также оренбургский губернатор действительный статский советник Дмитрий Васильевич Волков, правивший губернией с 1762 по 1767 год. Древние Волковы оставили след в топонимике нашего края. Под самой Уфой в 12, 14 и 18 верстах были три деревни: Волкова вторая при озере Волковом (один двор), Волкова (Куровская) при речке Сухой (11 дворов) и Волкова при речке Киязе (34 двора)². Впрочем, аксаковский Волков, как военный, мог быть и не из числа уфимских Волковых.

Об упоминаемом С. Т. Аксаковым офицере Христофо-

¹ Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879, с. 25, 49, 51.

² Списки населенных мест Российской империи, т. 45, Уфимская губерния, 1870, алфавит.

¹ Мария Николаевна — мать писателя — авт.

вике никаких сведений не имеем; эта фамилия в нашем крае нам не встречалась. Видимо, как военный, он был человеком приезжим.

Никаких сведений о проживании в нашем крае Ичанских мы не имеем. Возникает даже сомнение: правильно ли названа фамилия. Известен титулярный советник Степан Львович Веничанский, умерший в 1818 году, и его вдова Анна Николаевна. Последняя, по восьмой ревизии 1834 года, в Белебеевском уезде в деревне Калаилга имела 15 семейств дворовых и 23 семейства крестьян, всего 207 душ¹.

Перейдем теперь к рассказу о Пекарских.

Имя академика Петра Петровича Пекарского (1827—1872) хорошо известно в нашей стране. Крупный ученый — историк просвещения и культуры XVIII века известен многочисленными трудами, в том числе и по истории нашего края. Из последних назовем «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова», «Когда и для чего основаны города Уфа и Самара» и «Известие об уфимских дворянах Пекарских». Читателям, заинтересовавшимся трудами П. П. Пекарского, можно рекомендовать книгу о нем М. В. Машковой, в которой дана подробная библиография его трудов².

Наперед скажем, что аксаковские сестры Пекарские были родными тетками академика. Перейдем теперь к истории появления в нашем крае и проживании в нем около 200 лет этой фамилии.

Впервые фамилия Пекарских упоминается в Уфе в 1664 году. Григорий Иванович Пекарский, прапрапрадед академика, тогда был написан там «с дворяны и детьми боярскими в поместном и денежном окладе». Он имел двух сыновей: Григория, у которого был сын, умерший бездетным, и Семена, женатого на Дарье Федоровне и умершего в 1698 г. Семен Пекарский; «будучи в Уфимском уезде, в селе Каракулине городок строил», участвовал в Крымском походе и позже назначен «быть в Уфе... в ротмистрах». Из двух сыновей Семена — Николая и Якова — потомство продолжалось только по линии Николая. Подполковник Николай Семенович Пекарский, прадед академика, имел еще более интересную биографию. По семейным преданиям, он поступил на военную службу при Петре I против своей воли. Проживая с женой

в доставшемся ему от отца поместье под Уфой, он, «когда стали выходить строгие указы о явке дворян на смотры, уклонялся от того под разными предлогами и показывался в не тех. Однако местные власти, не на шутку напуганные грозными указами царя..., изловили, наконец, и поставили его в Москву на смотр... Его назначили в полк и притом тотчас же была сбрита у него борода и обрезана долгополая одежда. Николай Семенович особенно был огорчен утратою бороды и, в особенную милость для себя, выпросил дозволение собрать сбритые волосы. Умирая, он завещал положить их с собою в гроб, так как был убежден, что ему вменится в великий грех, когда он явится на страшном суде без бороды, стало быть, человеком, исказившим в себе образ и подобие божие»¹.

Во время Полтавской битвы, в которой лично участвовал и сам Петр I, была составлена на время сражения его охранительная стража в числе 60 человек, выбранных в армии из числа тех, «которые бы ростом, лицом и походкою походили на царя». После битвы из 60 человек остались в живых только трое, среди них был и Н. С. Пекарский. Много лет продолжалась военная служба. Жена оставалась одна с дочерью и, не получая никаких вестей от мужа, считала себя вдовой. Возвращение Пекарского домой после долгого отсутствия в сопровождении семи денщиков, которых имели тогда полковники², происходило так:

«Однажды, в глухую зимнюю ночь раздается стук в тесовые ворота деревенского дома, где жила Пекарская, и крики немедленно отворять их. Людей в доме мало, а между тем лихие люди (так назывались тогда грабители и разбойники) часто разъезжали по уединенным господским усадьбам, и так об обороне думать было нечего, и потому хозяйка, вместе с дочерью, спрятались в казенку, т. е. комнатку, которая устраивалась в подполье для сохранности более ценных вещей. Между тем в светлицу вошел грозный приезжий в сопровождении семи человек, одетых в винчюры, или волчьи шубы, и вооруженных с головы до ног. Суровый окрик на перепуганную дворню принудил дворовых указать, где была спрятана барыня, и ее с дочерью привели, наконец, перед приезжего. Пекарская и ее дочь, ни живы, ни мертвы,

¹ Пекарский П. П. Известие об уфимских дворянах Пекарских. — В кн.: Справочная книжка Уфимской губернии на 1882—1883 гг. Уфа, 1883, с. 305.

² По официальным документам, как сказано выше, Н. С. Пекарский был подполковником — авт.

¹ ЦГА ВАССР, ф. 138, оп. 2, д. 508, л. 135—145.

² Машкова М. В. П. П. Пекарский (1827—1872). Краткий очерк жизни и деятельности. М.: изд. Всесоюзной книжной палаты, 1957.

кинулись в ноги, прося о помиловании ради вдовьего сиротства. Как вдова, возразил приезжий, а мужа куда девался? Пекарская, рыдая, отвечала, что мужа увезли на царскую службу; что о нем давно уже нет ни слуха, ни духа и потому, думает она, что не стало его на свете и молится она об упокоении души его, если господь его прибрал. Ну, вставай, жена, сказал Николай Семенович, который успел прослезиться при виде взрослой дочери, оставленной им грудным ребенком, или еще не признаешь мужа?»¹

Н. С. Пекарский, кроме упомянутой дочери, имел двух сыновей: старший сын Сергей, поручик, был женат, погиб во время Крестьянской войны 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева, детей не имел. Младший — Николай, подполковник, родился в 1731 г. В истории Крестьянской войны он известен как активнейший организатор защиты Уфы правительственными войсками от наступления отрядов повстанцев, возглавляемых Зарубиным-Чикой.

«Николай Николаевич Пекарский был женат на Матрене Семеновне из рода уфимских дворян Кублицких. По обыкновению, господствовавшему в тогдашних захолустьях, ее не учили грамоте на том основании, — что де знание для дворянских дочерей грамоты только служило к тому, что оне легче заводили сердечныя отношения с местными волокитами. Но безграмотность не мешала Матрене Семеновне быть очень разумной и сообразительной, так что к ней обращался за советом и помощью и муж ее, «который не был силен в математике и всякий раз, когда ему приходилось составлять денежный отчет по службе, то он призывал свою супругу».

Н. Н. Пекарский имел, в отличие от своих предков, большую семью: трех сыновей, всех бывших в военной службе, Михаила, Семена и Петра (отца академика), и трех дочерей: Фиону, Марию и Надежду.

Старший сын Михаил уже в 17 лет имел офицерский чин, едва не попал в плен к Пугачеву под Оренбургом. Им были оставлены воспоминания о Крестьянской войне, «впоследствии напечатанные В. И. Далем в «Москвитяине» 1841 г., № 6 (с. 438—468), под заглавием «Записки полковника Пекарского о бунтах яицких, что ныне уральские, казаков и о самозванце Емельяне донском

¹ Справочная книжка Уфимской губернии на 1882—1883 гг. Уфа, 1883, с. 306.

² То же, с. 308.

казаке Пугачеве». Он не был женат, но имел воспитанников и дал им фамилию Карских.

Средний сын Семен был слабого здоровья и умер колыстым. Младший сын Петр родился 6 (17) декабря 1764 г. и умер 10 (22) сентября 1853 г. Вся долгая жизнь П. Н. Пекарского прошла в нашем крае. В конце XVIII в. он, майор, был назначен командиром гентярского полка, впоследствии «служил по выборам дворянства и был несколько трехлетьи сряду уездным, а потом и губернским предводителем дворянства в Оренбургской губернии»¹.

Он был «живой летописец многих замечательных для Оренбургского края событий»².

П. Н. Пекарский был «большой охотник до книг и чтением успел пополнить скудость первоначального своего образования, Он стал собирать библиотеку, в которой впоследствии можно было найти все, что выходило замечательного в русской литературе конца прошедшего и начала нынешнего столетия (XIX в. — авт.). Уже после кончины Пекарского большая часть этой библиотеки сгорела, а уцелевшие книги из нея поступили в библиотеку уфимского губернского статистического комитета»³.

О своем отце академик Пекарский пишет, что он «был известен уфимским старожилам своим хлебосольством и гостеприимством: деревню его около, Уфы Отраду знали там и стар, и млад; но эта широкая жизнь с разными барскими затеями в роде: домашнего оркестра музыки, псовой охоты, оранжерей и теплиц и т. п. — расстроили состояние Пекарского, и Отрада, которую он так лелеял и с которой так сжился, под конец его жизни была продана. Теперь отрадинский барский дом, который после продажи его Пекарским пробовали испортить разными пристроечками и башенками, — этот дом стоит в запустении и быстро приходит к разрушению. В саду, в былые времена на славу расчищенном и подстриженном на удивление всех соседей, теперь заведен пчельник; и только великолепныя столетныя березы и сосны — безмолвныя свидетели помещичьего раздолья и приволья — высоко поднимают свои вершины и смело переносят и запустение, и небрежение»⁴.

¹ Справочная книжка Уфимской губернии на 1882—1883 гг. Уфа, 1883, с. 315.

² Русский биографический словарь, т. 13. СПб., 1902, с. 461—462.

³ Пекарский П. П. Указ. соч., с. 314.

⁴ То же, с. 315, 316.

Из четырех названий имения — сельцо Отрада (Пекарская, Базилевка, Тимофеевка) сейчас сохранилось одно — Базилевка.

Уфимское поместье было получено Григорием Ивановичем Пекарским в 1664 г. Первоначально оно было небольшим и ненасленным. Так могло продолжаться долго. В одной из челобитных сын Григория Семен отмечал, что после отца остался в молодых летах и что у него «вотчин и крестьян нет ни единого человека»¹.

В 1681 году Семену был написан поместный оклад «в 400 четей», а его брату Григорию — 300 четей земли².

Но еще до 1700 года сельцо Отрада с помещичьей усадьбой Пекарских, находящееся в 23 верстах к востоку от Уфы, за рекой Уфой, при озерах Круглом и Заливном, надо полагать, уже существовало.

По шестой ревизии 1811 года в сельце Отрада числилось крепостных 49 душ мужского пола, принадлежавших майору Петру Николаевичу Пекарскому³.

Разорившись, П. Н. Пекарский, в 1847 г. продает свое имение Софье Платоновне Базилевской. По девятой ревизии 1850 г., Софья Платоновна, вышедшая к тому времени вторично замуж за коллежского советника Алексея Васильевича Тимофеева (1812—1883), известного в свое время, а ныне полузабытого поэта, служившего губернским прокурором в Уфе в 1846—1848 гг., имела в сельце Отрада 5 семейств дворовых и 41 семейство крестьян, всего 250 душ. Из ревизской сказки видно, что все дворовые и 30 семейств крестьян были куплены в 1847—1848 гг. у П. Н. Пекарского, и 11 семейств Базилевская переселила в 1848 г. из сельца Пальцо Краснослободского уезда Пензенской губернии⁴. Из ревизской сказки также видно, что несколько человек крепостных были куплены у П. Н. Пекарского из других имений: из деревни Левашовки Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии и из села Корноухово (Никольское) Лаишевского уезда Казанской губернии.

¹ Пекарский П. П. Указ. соч., с. 301.

² Четь, или четверть — мера поверхности, равная половине десятины; называлась так потому, что на эту площадь высевалась четверть ржи, — объем, равный 201 литру. См. — Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М.: Высшая школа, 1975, с. 91; Энци. Просвещение, т. 20, с. 81.

³ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 120, л. 338—341.

⁴ То же, д. 610, л. 341—358; о А. В. Тимофееве см. — Исторический вестник, 1883 т. 13, с. 486 (Некролог); Державин. Забытый поэт. Исторический вестник, 1910, № 9, с. 864—874; Барсов Н. Прокурор пишет романсы. — Уральский следопыт, 1977, № 1, с. 55.

Откуда у П. Н. Пекарского появились эти поместья?

Дело в том, что он в первом браке был женат на Елизавете Сергеевне Левашиной из старинного и богатого дворянского рода, владевшего именьями и в Оренбургской и в Казанской губерниях. От этого брака была дочь Анна, вышедшая замуж за бывшего помещика Московской губернии Михаила Ивановича Микулина. Овдовев, П. Н. Пекарский женился на Александре Петровне Пеутлинг, внучке бывшего своего начальника правителя уфимского наместничества, генерал-поручика Александра Александровича Пеутлинга. От этого брака были дочь Александра Петровна и два сына: Петр Петрович — академик и Николай Петрович, который был на военной службе¹.

Супруги Тимофеевы жили в Уфе по 1856 год, затем переехали в Москву, где А. В. Тимофеев служил чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе и вышел в отставку в 1860 г.

Перед отменой крепостного права Отрада еще принадлежала С. П. Тимофеевой и в 1858 г. там было 226 душ крестьян².

В 1870 г. в деревне Базилевке (Отрада) было 523 жителя (72 двора), имелась мельница. Жители занимались пчеловодством и изготовлением деревянных изделий³.

В 1969 году в селе проживали 368 человек. Ныне это село в Русско-Юрмашском сельсовете Уфимского района, в 7 км от станции Шакша и в 5 км от центра сельсовета села Русский Юрмаш, где находится центральная усадьба колхоза «Заветы Ильича». С включением с. Касимова и рабочего поселка Шакша в состав города Уфы село Базилевка почти непосредственно примыкает к границам города⁴.

Переходим к рассказу о двух аксаковских сестрах

¹ Пекарский П. П. Указ. соч., с. 316.

² Приложение к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах., т. 2, Оренбургская губерния, с. 2.

³ Списки населенных мест Российской империи., т. 45, Уфимская губ., алфавит.

⁴ В 1972 г. Г. Ф. Гудков был в этом селе. На окраине за деревенской церковью, на пригорке, находилось место бывшей усадьбы Пекарских. Еле заметные следы, низкорослые побеги сирени напоминали об этом. В селе начальная школа. Старожилы еще помнили одно из названий деревни — Пекарская, и, указывая на один конец деревенской улицы, сообщали, что там живут «пензяки». Но с переселения прошло 124 года и ни о каком сельце Пальцо у них воспоминаний не сохранилось.

Пекарских, одна из которых была Мария Николаевна Воецкая. Ее племянник, академик П. П. Пекарский об этой своей тетке рассказывает такой эпизод: «С открытием в Уфе наместничества [1782 г. — авт.] и наплывом туда новых людей, уже вкусивших вполне или отчасти европейского развлечения, Николай Николаевич должен был волей-неволей уступать новым порядкам и нарушать некоторые из заветных правил старины. Так он решился вывозить на танцевальные вечера вторую свою дочь красавицу Машу. Наместником тогда был в Уфе барон Игельстром¹, большой угодник и поклонник прекрасного пола. На одном бале смуглянка Пекарская привела барона в восторг, и он на другое утро поспешил послать ей роскошный букет цветов. Старики Пекарские пришли в ужас: дочь их, незамужняя девушка получает подарок, хотя и от наместника государева, но все-таки холостого и постороннего мужчины! Николай Николаевич на родственном совете с Матреною Семеновною положили не вывозить более своей дочери и держать ее взаперти. К счастью Маши, за нее вскоре посватался уфимский помещик Воецкий; по выходе за него замуж для нее миновалось девическое затворничество»².

По шестой ревизии 1811 года, Мария Николаевна Воецкая, жена коллежского асессора, в деревне Воецкой (Акбашева) Уфимского уезда имела 16 душ крепостных мужского пола, в том числе 7 — дворовых. В тех же ревизских сказках по тому же сельцу записаны двое коллежских асессоров Воецких, владельцев крепостных: у Николая Григорьевича — 20 душ, в т. ч. 6 — дворовых, и у Никонора Григорьевича — 31 душа, в т. ч. 4 — дворовых. Перед нами загадка: кто же из них муж Марии — Николай или Никанор? Косвенный ответ может дать порядок размещения ревизских сказок в переплетенном томе по Уфимскому уезду: вначале идет ревизская сказка Николая Григорьевича, затем Марии Николаевны и их детей — унтер-офицера Льва Николаевича (11), недоросля Петра Николаевича (11) и девицы Варвары Николаевны (10 душ мужского пола). И лишь затем идет ревизская сказка Никанора Григорьевича Воецкого³. Видимо, мужем Марии был Николай Григорьевич Воецкий. Всего по сельцу Воецкому числилось в 1811 году 99 душ мужского пола, в том числе 23 — дворовых.

¹ В тексте — Игельстром.

² Пекарский П. П. Указ. соч., с. 309.

³ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 120, л. 70—82.

В 1870 г. в деревне Воецкой (Акбашево) Уфимского уезда при речке Кайряке было 545 жителей (77 дворов); в деревне была квартира станового пристава¹.

Село Воецкое под тем же названием существует и ныне в Шариповском сельсовете Кушнаренковского района в 43 км от Уфы и в 25 км от райцентра. В 1969 г. там было 173 жителя².

Расскажем о детях М. Н. и Н. Г. Воецких.

Лев Николаевич Воецкий, впоследствии майор, в 1826—1830 гг. в чине ротмистра был уфимским уездным предводителем дворянства, в 1838—1842 и 1844—1848 гг. был бутульминским уездным предводителем дворянства. В девятой ревизии 1850 г. он упоминается в чине майора как владелец 95 душ крепостных, а по десятой — 1858 г. — 119 душ по сельцу Воецкому³.

Петр Николаевич Воецкий, полковник и кавалер, по девятой ревизии по сельцу Воецкому имел 92 души крепостных, по десятой — 90⁴.

Дочь Варвара оставалась девицей, в 1850 г. в том же сельце у нее было 127 душ крепостных, а в 1858 — 130⁵.

С. Т. Аксаков упоминал еще сестру Марии Николаевны Воецкой — девицу Пекарскую. Но у Марии были две сестры, как сообщает академик Пекарский: «другая сестра, Фióна, была за уфимским помещиком Борейшею. а третья, Надежда, за Маурици, родом грека»⁶.

Теперь предстоит выяснить, о какой же из двух сестер, Фióне или Надежде, упоминал С. Т. Аксаков.

В 1785 году Н. Н. Пекарский готовит приданое своей старшей дочери Фióне. 15 апреля 1785 г. он покупает за 50 рублей у башкир Минской волости Ногайской дороги земли по реке Уршак, левому притоку Белой, в границах от Кузяшевского брода на р. Уршак и далее с пересечением дороги, лежащей из башкирской деревни Борискиной в Ксиурманский лес, а затем, обходя озеро Урзякли правой стороной, к озеру Янчуры — на Кузяшевский брод⁷. Вскоре эту землю Н. Н. Пекарский дарит своей

¹ Списки населенных мест., т. 45, Уфимская губерния, алфавит.

² Башкирская АССР, Административно-территориальное деление на 1 января 1969 г. Уфа: Башкиргоиздат, 1969, алфавит.

³ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 606, л. 537—546; д. 712, л. 732—742.

⁴ То же, л. 667—674; д. 712, л. 765—772.

⁵ То же, л. 629—685; д. 712, л. 755—768.

⁶ Пекарский П. П. Указ. соч., с. 316.

⁷ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 175, 176.

дочери Фионе, «выданной в замужество из дворян за коллежского асессора Андреяна Иванова сына Барейшу», о чем свидетельствует его рядная запись от 25 августа 1785 г. В придачу к земельному подарку Фиона получает еще 10 душ крепостных-дворовых, числившихся по четвертой ревизии года в деревне Приклонской (Пекарская)¹. Так возникла новая деревня Борейшево.

Андреян Иванович Борейша, коллежский асессор, по ревизской сказке 1811 г. владел в деревне Борейшево 20 душами крепостных мужского пола. Кроме своей ревизской сказки А. И. Барейша одновременно подписал по той же деревне ревизскую сказку жены флота лейтенанта и, надо полагать, своей дочери Анны Андреяновны Ивановой².

Сельцо Борейшево в 1850 году принадлежало декабристу, подпоручику Александру Александровичу Фоку, в нем числилось 186 душ крепостных, в том числе 59 дворовых. В сельце был 21 крестьянский двор. Из ревизской сказки видно, что все крестьяне достались А. А. Фоку по раздельному акту с братьями Николаем, Петром и Виктором после отца коллежского советника Александра Карловича Фока, а также по купчей от родной сестры его коллежской советницы Натальи Александровны Хлопиной³.

Как попало сельцо Борейшево от прежних владельцев к Фокам — нам неизвестно.

Деревня Борейшево в списке населенных пунктов 1870 г. пропущена. В 1920 г. в 2 км от села Булгаково упоминается поселок Нагорки (Нагорка, Борейша), в котором проживало 50 жителей (6 дворов)⁴. В современных справочниках этот населенный пункт не встречается.

Итак, можно считать доказанным, что аксаковской девицей Пекарской была младшая из теток академика Пекарского — Надежда Николаевна Маурици, или, как тогда было принято писать, Маврициева, Маврицина, Маврицкая и Маврици. Надежда Николаевна Пекарская, жена иностранца Карла Карловича Маурици, в деревне Пекарская (Приклонская) Уфимского уезда по ревизской сказке 1811 г. имела 7 душ крепостных мужского пола, из них 3 — дворовых⁵.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 183, 184.

² ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 120, л. 143, 149.

³ Там же, д. 610, л. 574—583.

⁴ Список населенных пунктов Башкирской АССР. Уфа, 1926.

⁵ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 120, л. 120.

Неизвестно, принял ли грек Маурици русское подданство, но он находился на государственной службе, в 1824 г. он был в Уфе коллежским секретарем¹. В ревизских сказках 1850 г. его жена именуется титулярной советницей. О ней известно, что в 1838 г. она продала своего дворового Фока Самсонова своему племяннику полковнику Петру Николаевичу Воецкому, в 1849 г. она продает одно семейство дворовых коллежской секретарше Анне Михайловне Чеснок; в итоге у нее остается единственная дворовая женщина в Уфе, но и ее она лишается: опекун титулярный советник Василий Щеголев пишет в ревизской сказке: «девка Настасья Васильева 30 лет, ни к чему не приписанная, подлежащая на основании 1155 ст. и X т. 8-го приложения к обращению в казенное ведомство»². После отмены крепостного права в документах встречаются имена двух дочерей Маврициных, Анны и Варвары³.

Во время второй городской переписи в Уфе 17 июля 1879 г. в 93 городском квартале по улице Верхне-Фроловской (впоследствии именуемой Воскресенской, а ныне — Тукаева) по четной стороне второй дом от угла улицы Консistorской (впоследствии Красноармейской) имелось домовладение Варвары Маврициной⁴. По справочнику 1908 г., это домовладение по ул. Воскресенской № 38 принадлежало С. Ф. Стобеус⁵. Ныне на этой части квартала постройки снесены.

Глава XXXIII

ГЛАЗОВЫ.

В северо-западной части Оренбургского края находился город Сергиевск вблизи курортной местности, именуемой Сергиевские Серные воды. Родители С. Т. Аксакова имели здесь свой дом, в котором жили, приезжая на лечение. В очерке «Наташа» С. Т. Аксаков пишет: «Тогда это было дикое место на нагорной стороне стальной реки

¹ Новиков В. А. Указ. соч., с. 256.

² ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 606, л. 667—674; д. 610, л. 668—674.

³ Там же, ф. 294, оп. 2, д. 4, метрическая книга Спасской церкви, л. 28 об., 29.

⁴ Справочная книжка Уфимской губернии на 1882—1883 гг. отд. 4, с. 168.

⁵ Справочная книга г. Уфы, 2-е изд. Уфа, 1908, с. 36.

Большой Сургут. Серные ключи били из подошвы небольшой горы и ручьями втекали в огромный четвероугольный, крепко срубленный из толстых дубовых бревен бассейн, построенный необычайно прочно и почти до краев наполненный осевшею серою. Старожилы говорили, да и местность это подтверждала, что тут был некогда серный завод... Очевидно, что завод был уничтожен за мнимым, то есть искусственным, уменьшением серных ключей. Кому это было нужно, — не знаю. Из бассейна бежала речка и впадала в Сургут. По отлогим скатам, в ущельях которых, избитых шахтами, росли разные породы чернолесья, в живописном беспорядке были разбросаны калмыцкие кибитки, палатки, плетневые шалаши и кое-где избушки, перевезенные из ближайших чувашских деревень. Помещики даже из дальних мест начинали уже каждое лето съезжаться на воды. Никаких докторов и полицейских чиновников там еще не было, а был некто Петр Андреич Глазов, оренбургский помещик и железный заводчик, открывший эти целебные источники по народной молве, потому что обыватели упрямленного города Сергиевска и окрестные жители, по большей части некрещенные чуваша, не переставали лечиться и вылечиваться от всех болезней питьем прозрачной, холодной, как лед, серной воды и купаньем в ее бассейне. Помещик Глазов, чудесно излеченный ими от долговременной болезни, стал посещать ежегодно целебные источники и сделался ревностным распространителем их славы, приглашая туда словесно всех знакомых и, через письма, даже не знакомых ему людей, доказывая им пользу лечения собственным примером. Он сделался каким-то хозяином, полицейским чиновником и доктором при Серных водах: всякий новоприезжий являлся к Петру Андреичу, спрашивал, где ему разбить свой табор, рассказывал про свою болезнь и просил наставления, как употреблять воду? Петр Андреич отводил места, назначал употребление целебной воды, даже указывал, где брать дрова и откуда получать съестные припасы; все с уважением и благодарностью в точности исполняли его благодетельные советы.

Болдухины имели на Серных водах самую лучшую избу, которую называли дворцом, потому что Варвара Михайловна, женщина тучная, но болезненная, несмотря на отдаленность (надо было проехать с лишком триста верст), уже несколько лет приезжала туда с мужем и старшими детьми лечиться целебными ключами» (2; 424, 425).

Под именем Варвары Михайловны Болдухиной автор описывает свою мать, Марию Николаевну Аксакову. Позже сын писателя, Иван Сергеевич Аксаков, также бывал на лечении на Сергиевских серных водах.

Интересное описание этой местности дано в книге «Россия...» под редакцией В. П. Семенова. На 74-й версте от Самары в сторону Уфы имеется станция Кротовка, от которой к северу идет железнодорожная ветка на г. Сергиевск. «...в 75 верстах от Кротовки железный путь подходит к ст. Серные воды. Здесь самая возвышенная точка отлогих холмов правого берега р. Сока. К этой гряде справа примыкают Сургутские горы, состоящие из известняка, содержащего в себе много серы; у подошвы их расположены известные Сергиевские минеральные ключи, а выше устья Сургута, на горе — Серноводск. Известность Сергиевских вод относится еще к началу XVIII в., когда, по повелению Петра Великого, здесь основан был серный завод, рабочие которого стали употреблять воды внутрь и снаружи при разных хронических сыпях. В 1717 г. Петром был послан сюда лейб-медик Готтлиб Шобер для исследования и описания Сергиевских вод; но, с закрытием завода, источники опять остались без всякого употребления. Впоследствии естествоиспытатели времен Екатерины II — Паллас, Лепехин, Гюльденштедт, не оставили без внимания эти источники; но важное и вполне заслуженное значение было приобретено водами только в истекшем столетии. В 1808 г. серные воды исцелили помещика Глазова от застарелой и упорной болезни и с этого времени на них было обращено должное внимание. Тогдашний оренбургский губернатор князь Волконский пригласил доктора Фукса, известного профессора Казанского университета, научно исследовать целебную силу вод. Затем вскоре произведены были химические анализы московским профессором Янишем и казанским Эрдманом. С 1820 г. сюда стали посылать на излечение нижних чинов из Оренбурга, Казани, Симбирска, Уральского войска и других мест. С этих пор упрочилась известность Сергиевских вод, установились правильные курсы лечения, и явились приличные помещения для приезжающих больных»¹.

Петр Андреич Глазов был правнуком священника Ивана Ермолаевича Глазова, два сына которого — Василий и Герасим — занимались подрядами в Симбирской

¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества... под ред. В. П. Семенова. СПб., 1901, т 6, с. 428, 429.

губернии и совместно владели там винокуренным заводом. В 1747 г. Герасим Глазов (дед аксаковского Глазова) имел уже три винокуренных завода в Симбирском уезде, а в начале 1750-х годов ему стал принадлежать большой винокуренный завод в с. Архангельском Симбирского уезда. Г. И. Глазов значился симбирским купцом и был даже президентом Симбирского магистрата¹. Его предпринимательство отличалось большим многообразием: он был винокуром, подрядчиком, селитроваром и владельцем кожевенного завода².

Герасим Глазов в 1754 г. заключил контракт с графом Александром Ивановичем Шуваловым на строительство в 1750—1760-х годах трех медеплавильных заводов в Оренбургской губернии и в первую очередь Покровского на реке Большой Ик. Глазову отводилась роль распорядителя при строительстве и эксплуатации заводов. В компании с вельможей Шуваловым он построил только один Покровский завод, затраты на строительство которого составили более 100 тысяч рублей. Такие затраты оказались не под силу купцу Глазову, поэтому он вышел из компании в 1758 г., то есть раньше срока. Глазов оставил Шувалову половину завода, предварительно получив за уступленную часть причитавшиеся деньги³.

Приобретя таким образом опыт в металлургическом производстве, Герасим Глазов 10 апреля 1758 г. получает разрешение Бергколлегии на строительство собственного медеплавильного завода⁴.

В 1759 г. он уже построил завод с четырьмя медеплавильными печами, который назвал Богословским. Он находился в Бугульминском уезде при речке Кучуе, притоке р. Шешмы, впадающей в р. Каму⁵. (Ныне Альметьевский район Татарской АССР).

Дело отца продолжал его сын, корнет Андрей Герасимович Глазов, которому, по четвертой ревизии г., на Богословском заводе принадлежало 359 душ крепостных⁶.

«В 1802 г. А. Г. Глазов оформил завещание своим сыновьям. Наследниками завода оказались коллежский

ассессор Петр, капитан Иван и нигде не служивший Александр Глазовы»¹.

Семейство Аксаковых встречалось с Петром Андреевичем Глазовым на Сергиевских серных водах в 1810-х годах. Дальнейшая судьба П. А. Глазова нам неизвестна, но еще в 1846 году он был жив: палата гражданского суда в Уфе вызывала его «для выслушивания решения по делу о иске «об освобождении от крепостной зависимости детей и внука его крестьянина Терентия Васильева»².

Его брат, капитан Иван Андреевич Глазов, впоследствии надворный советник, видимо, был знаком с братьями Марии Николаевны Аксаковой, Александром и Сергеем Николаевичами Зубовыми: его подпись стоит на документе о разделе имущества их отца Николая Семеновича Зубова в 1808 году³.

Глава XXXIV

ШИШКОВЫ.

Шишковы и Аксаковы... Много нитей, дружественных и даже родственных, связывают представителей этих двух семейств. Сведения эти во всей установленной авторами полноте предполагалось изложить в ранее изданной книге⁴. По техническим причинам это оказалось невозможным: поместилось там лишь примерно половина материала. Чтобы не разрывать изложения, здесь мы даем весь материал о Шишковых, включая и то, что было уже опубликовано ранее.

В начале XV века из Польши прибыл на службу к великому князю тверскому Ивану Михайловичу Юрий Лазинич. У него был сын Гаврила и внук Василий, имевший двух сыновей. Один из сыновей — Иван Борозда, от него пошел род Бороздиных, давший несколько выдающихся личностей, среди которых отметим Александра Корниловича (1863—1918)—историка литературы; Константина Матвеевича (1781—1848) — исторического исследователя и археолога, попечителя Санкт-Петербургского

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 4, ч. 1, с. 415.

² Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в. М., АН СССР, 1962, с. 481.

³ Там же, с. 236—239.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 4, ч. 2, с. 594.

⁵ Там же с. 576.

⁶ Там же, т. 5, с. 286.

¹ Павленко Н. И. Указ. соч., с. 512.

² Оренбургские губернские ведомости, 1846, № 12, отд. 1, с. 96.

³ ЦГА БАСССР, ф. 100, оп. 2; д. 473, л. 2—2 об.

⁴ Гудков Г. Ф., Гудкова В. И. Незаконченная повесть С. Т. Аксакова «Наташа». Историко-краеведческий комментарий. Уфа: Башкирское книгоиздательство, 1988.

учебного округа и сенатора; Корнелия Богдановича (1708—1773) — генерала-аншефа — основателя в России конной артиллерии; Николая Михайловича (1777—1830) — генерала от кавалерии, генерала-адъютанта, совершившего в войнах 1812—1814 годов «ряд блестящих подвигов»¹.

Второй сын Василия Гавриловича — Микула (Николай) Васильевич, по прозвищу Шишка, дал основание роду Шишковых².

Некоторые из рода Шишковых служили в «знатных чинах», были воеводами, стольниками, стряпчими. Род Шишковых записан в 6-ю часть родословных книг³ Тульской, Рязанской и Московской губерний. Ветвь этого рода записана также в 6-ю часть родословных книг Тверской и Оренбургской губерний⁴. К этой ветви отнесем адмирала, министра просвещения и известного литературного деятеля Александра Семеновича Шишкова (1754—1841); его племянника — поэта и близкого друга А. С. Пушкина и С. Т. Аксакова — Александра Ардальоновича Шишкова (1799—1832); двоюродного внука адмирала — Николая Петровича Шишкова (1793—1869), известного в свое время писателя по сахароварению и сельскому хозяйству, автора более ста статей по этим вопросам⁵.

К этому же роду, как увидим ниже, относится и Шишков, неудачливый жених Надежды Тимофеевны Аксаковой, впоследствии породнившийся с Аксаковыми через свою дочь Софью, вышедшую замуж за племянника отвергнувшей его невесты, Григория Сергеевича Аксакова. Это последнее обстоятельство в литературе до сего времени не было раскрыто. Более того, как увидим ниже,

некоторыми авторами допускалась большая путаница в освещении родства Аксаковых с Шишковыми.

Но не будем забегать вперед, хотя нам, как и читателям, не терпится перейти к раскрытию этой путаницы.

Начнем последовательно излагать события из жизни выдающихся представителей этой фамилии.

Адмирал¹ Александр Семенович Шишков был 10-раз правнук основателя рода Микулы Шишки². Отец адмирала инженер-поручик Семен Яковлевич Шишков умер до 1811 года³. Он имел шесть сыновей: Яков, Александр, Ардальон, Николай, Дмитрий и Герасим⁴, и дочь, вышедшую замуж за Ивана Казначеева. Их сын Александр Иванович Казначеев (1788—1880) был большим другом С. Т. Аксакова (2; 269—300, 379, 389).

У адмирала Александра Семеновича Шишкова детей не было. У Ардальона Семеновича Шишкова было четыре сына: Александр, Дмитрий, Семен и Владимир; их мать была Софья Александровна, урожденная Хвостова⁵. В 1813 году Ардальон Семенович умер, дослужив до чина надворного советника; жена умерла еще раньше. Таким образом будущий поэт, Александр Ардальонович Шишков, в четырнадцатилетнем возрасте остался сиротой вместе с тремя младшими братьями. Еще при жизни отца он был взят на воспитание в дом дяди, адмирала А. С. Шишкова. После смерти отца опеку над сиротами приняла жена адмирала, Дарья Алексеевна, урожденная Шельтинг (2; 277). При этом двое старших братьев, Александр и Дмитрий, оставались в доме адмирала, Владимира взяли в дом генерал-майора Тучкова, а Семена воспитывал дед со стороны матери, действительный статский советник Хвостов.

¹ Энциклопедия Просвещение, т. 3. СПб., 1903, с. 552, 553.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 38. СПб., 1903, с. 616, 616; Сиверс А. А. Указ. соч., с. 106.

³ Дворянские родословные книги составлялись ежегодно по каждой губернии. В них вписывали дворянство, владеющее (или владевшее ранее) недвижимой собственностью в пределах губернии. Дворяне, получившие звание через чины, избирали губернию по своему желанию. Составлялись родословные книги губернским дворянским депутатским собранием и разделялись на шесть частей: 1 часть — жалованные дворянские роды; 2 — роды, приобретшие дворянство на военной службе; 3 — то же, на государственной службе; 4 — иностранные роды; 5 — титулованные роды; 6 — древние дворянские роды. См. Энцикл. Просвещение, т. 16, с. 384, 385.

⁴ Бобринский А. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи, ч. 1 (до конца XVI столетия). СПб., 1890, с. 341.

⁵ Русский биографический словарь, т. 23, с. 320—324.

¹ А. С. Шишков почти во всех литературных источниках именуется адмиралом, хотя в действительности его высший военноморской чин был — вицеадмирал. См. Русский биографический словарь, т. 23, с. 317; Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов..., т. 4, с. 528.

² Сиверс А. А. Генеалогические разведки..., с. 100, 103; Рябинин Д. Д. Александр Ардальонович Шишков 2-й (1799—1833). — Исторический вестник, 1889, октябрь, с. 44.

³ Сиверс А. А. Указ. соч., с. 103.

⁴ Сиверс А. А. Указ. соч., с. 105, здесь упоминаются Яков и Николай; Русский биографический словарь, т. 23, с. 315, 316, 320—324, здесь упоминаются Александр и Герасим; Рябинин Д. Д. Указ. соч., с. 44, здесь упоминаются Александр, Николай, Дмитрий и Ардальон.

⁵ Российская родословная книга, изд. П. Долгорукова, 1857, ч. 4, с. 222.

«После смерти Ардальона Семеновича, как значится в прошении, поданном Дарьей Алексеевной Шишковой в Санкт-Петербургскую дворянскую опеку, осталось денег (наличными и в виде заемных писем и вкладов) 66875 рублей, а также имение в Корчевском уезде Тверской губернии, в котором «мужеска пола 246 и женска 197 душ»... Таким образом опекуны располагали достаточными средствами, чтобы обеспечить хорошее воспитание сиротам Шишковым. Действительно, на воспитание сирот расходовались большие средства. Из отчетов, представляемых в опекунский совет ежегодно опекунами, видно, что при детях содержались гувернеры и что они обучались русскому и иностранным языкам (французскому, английскому, немецкому и латинскому), логике, риторике, поэзии, математике, географии, артиллерии, фортификации, ситуации и черчению планов. При этом за каждый урок учителям платили по 5 рублей, в то время плата очень высокая. Учителя приглашались лучшие, среди них был, например, известный профессор Царско-сельского лицея Куницин.

Таким образом А. А. Шишков получил прекрасное для того времени домашнее воспитание и образование... Следует отметить, что, помимо специфически литературного уклона в образовании братьев Шишковых, литературная атмосфера дома А. С. Шишкова, где собирались часто его друзья, устраивались вечера и постановки, на которых особенно С. Т. Аксаков увлекал всех своими прекрасными декламациями, благоприятствовала развитию поэтического дарования А. А. Шишкова»¹.

С. Т. Аксаков, описывая начало своего знакомства с адмиралом Шишковым в своих воспоминаниях о нем, сообщает:

«Брата моего [Николая Тимофеевича Аксакова] приняла тетка очень ласково и радушно; дядя, по своему обыкновению, не обратил на него ни малейшего внимания. С молодыми племянниками Шишкова, или, лучше сказать, со старшим, с Сашей (иначе называть его не позволяли), брат мой скоро подружился, меньшей же, Митя, был слишком молод, да и как-то странен. Саша, известный впоследствии в русской литературе под именем «Шишкова 2-го», был тогда блистательным и очаро-

¹ Мальцев М. И. Александр Ардальонович Шишков и декабристы, в кн.: Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева, серия историко-филологическая. Томск, 1950, с. 313.

вательным мальчиком. Много возбуждал он великих надежд своим равномерным умом и яркими признаками литературного таланта. Тетка обожала его, как говорится, и, несмотря на свою практическую рассудительность, совершенно испортила своего любимца. Исключительно женское воспитание редко удается. Через несколько лет не могла она сладить с Сашей, и он поступил в военную службу, прямо в офицеры молодой гвардии и прямо в адъютанты, кажется, к генералу Каблукову. Саша немедленно сделался отчаянным повесой, был сослан на Кавказ, ушел из-под караула и, будучи арестантом, увез молодую девушку и женился на ней, жил в крайней бедности, погубил свой замечательный талант, работая для денег, и, наконец, погиб трагически, всем известною смертью.

Наши посещения дома Шишкова, — продолжает С. Т. Аксаков, — устроились правильным образом: три раза в неделю мы с братом у них обедали и проводили иногда вечера, вместе с Казначеевым. ...Хотя я приезжал или приходил из «Комиссии составления законов» довольно поздно, иногда перед самым обедом, но всегда проходил прямо в кабинет дяди и вместе уже с ним садился за стол, постоянно подле него. После обеда почти всегда он приглашал меня в кабинет, иногда без Казначеева, и толковал со мною о любимых своих предметах: о тождестве языка русского и славянского, о красотах священного писания, о русских народных песнях, о порче языка по милости караимской школы и проч. и проч. Я постепенно перешел из безмолвного слушателя в собеседника. Иногда я возражал Александру Семеновичу, и он оспаривал меня, признавая нередко, хотя одностороннюю, правду и значительность возражения; в таком случае он обыкновенно отмечал в тетради: «Такое-то возражение нужно хорошенько объяснить и опровергнуть». Все наши разговоры вошли в состав «Разговоров о словесности» между двумя лицами: Аз и Буки, напечатанных года через два. Я не мог не смеяться, читая их, потому что нередко узнавал себя под буквою Аз, и весьма часто с невыгодной стороны.

Между тем время шло. Я привязался всею душою к Шишкову и хотя никогда не слыхивал от него ласкового слова, но видел из выражения его глаз, слышал по голосу, как он был доволен, когда я входил к нему в кабинет. Нечего и говорить, что с первой минуты нашего знакомства я стал искать благосклонности старика с таким жаром и напряженным вниманием, с каким не искал во-

всю мою жизнь ни в одной женщине. Это делалось бессознательно с моей стороны, но все окружающие замечали мои поступки и нередко смеялись мне в глаза; сама тетка говаривала, что я влюблен в ее мужа и волочусь за ним изо всех сил. Я конфузился, но продолжал держать себя по-прежнему» (2; 281).

С. Т. Аксаков познакомился с Шишковыми в 1808 году, когда он приехал в Петербург на службу; с этого времени и до середины 1811 года, до отъезда из Петербурга, Аксаков с братом Николаем были завсегдатаями в доме адмирала, полюбившего своего молодого поклонника.

Краткая характеристика литературной и общественной деятельности адмирала Александра Шипкова дана в «Литературной энциклопедии» и мы приводим ее ниже. Там сообщается, что А. С. Шипков «в 1772 году окончил Морской кадетский корпус, совершил несколько морских походов, дослужился до звания адмирала. Был статс-секретарем Александра I, членом Государственного совета, в 1824—1826 гг. — министром просвещения. Член Российской академии с 1779 г. и ее президент (1813—1841). По политическим убеждениям консерватор; активно боролся с идеями отмены крепостного права. В 1826 году ввел крайне жестокий цензурный устав, получивший у современников прозвище «чугунный». Был членом Верховного суда над декабристами (правда, добивался смягчения участи подсудимых).

В 1780 году написал пьесу «Невольничество», в которой прославлял Екатерину II за выкуп русских невольников, томившихся в плену в Алжире. В 1783—1785 гг. вышла переведенная на немецкий язык и переработанная Шишковым «Детская библиотека» И. Г. Кампе. В 1784 году в «Собеседнике любителей русского слова» опубликовано стихотворение Шипкова «Старое и новое время», в котором развратному настоящему противопоставляется «идеальное» (допетровское прошлое). Писал оды, переложения псалмов, стихи на разные случаи; переводил итальянских поэтов; перевел прозой «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо; написал очерки о деятельности Феофана Прокоповича, Д. А. Кантемира, М. В. Ломоносова. Острую полемику вызвали его книги «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» (1803) и «Прибавление к рассуждению о старом и новом слоге русского языка» (1804), в которых Шипков выступил против манерности сентиментальной прозы, ориентируя литературу на старославянский язык как «...корень и

начало Российского языка». Изобилдовал архаизмами и славянизмами перевод «Слова о полку Игореве», сделанный Шипковым в 1805 году и снабженный огромным комментарием. Шипков сумел тщательно воспроизвести черты этого памятника, роднящие его с фольклором. В основном по инициативе Шипкова возникла «Беседа любителей русского слова»... Не имея научной подготовки, Шипков занялся сравнительным языкознанием. Несмотря на реакционные политические убеждения, литературная деятельность Шипкова сыграла известную роль в развитии русской литературы как в борьбе с сентиментализмом, так и в создании высокого гражданственного стиля декабристской лирики (Ф. Глинка, В. Кюхельбекер и др.). Лингвистические идеи Шипкова оказали известное влияние на творчество А. С. Грибоедова и А. И. Крылова»¹.

С. Т. Аксакова к А. С. Шипкову влекло все то положительное, что выражалось в его личности и взглядах: борьба за чистоту русского языка от засорения его французскими словами, осуждение сентиментализма в литературе, патриотизм, честность, искренность убеждений и прямота характера. Павел I подарил Шипкову 300 душ крепостных крестьян в Тверской губернии; об отношениях Шипкова к своим крестьянам С. Т. Аксаков писал: «Александр Семеныч, владея ими уже более десяти лет, не брал с них ни копейки оброка. Многие крестьяне жили в Петербурге на заработках; они знали, что барин получал жалованье небольшое и жил слишком небогато. Разумеется, возвращаясь на побывку в деревню, они рассказывали про барина в своих семействах. Год случился неурожайный, и в Петербурге сделалась во всем большая дороговизна. В один день, поутру, докладывают Александру Семеновичу, что к нему пришли его крестьяне и желают с ним переговорить. Он не хотел отрываться от своего дела и велел им идти к барыне; но крестьяне непременно хотели видеть его самого, и он нашелся принужденным выйти в переднюю. Это были выборные от всего села, поклонясь в ноги, несмотря на запрещение барина, один из них сказал, что на «мировой сходке положили и приказали им ехать к барину в Питер и сказать: что не берешь-де ты с нас, вот уже десять лет, никакого оброка и живешь одним царским жалованием, что теперь в Питере дороговизна и жить тебе с семейст-

¹ Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1975, т. 8, стб. 733—734.

вом трудно; а потому не угодно ли тебе положить на нас за прежние льготные годы хоть по тысяче рублей, а впредь будем мы платить оброк, какой ты сам положишь; что мы по твоей милости, слава богу, живем не бедно, и от оброка не разоримся... На третий день Шишков написал письмо, которого я не читал, но содержание которого состояло в том, что помещик благодарил весь мир за усердие, объявил, что надобности в деньгах, по милости царской, не имеет и обещал, что когда ему понадобятся деньги, то ни у кого, кроме своих крестьян, денег не попросит. Выборных и дядя и тетка угощали по горло, чем-то подарили, облобызали и отпустили... Впоследствии крестьяне упросили положить на них какой-нибудь оброк, говоря, что им совестно против других крестьян. Оброк был положен, разумеется, небольшой, да и тот собирался и употреблялся на их же собственные нужды. Вот как Шишков понимал помещичье право» (2; 294—296).

Заканчивая свои воспоминания о А. С. Шишкове, С. Т. Аксаков писал: «Много несправедливого, неверного, смешного и нелепого говорило об этом человеке злоязычие человеческое. Но откинув в сторону все тонкие рассуждения о недостатках и слабостях почившего брата, нельзя не сознаться, что, проходя обширное, многозначительное поприще службы в самых трудных обстоятельствах государства, начав с Морского кадетского корпуса, где Шишков был при Екатерине учителем, дойдя до высокого места государственного секретаря, с которого он двигал духом России писанными им манифестами в 1812 году, — Шишков имел одну цель: общую пользу; но и для достижения этой святой цели никаких уступок он не делал. Никогда Шишков для себя ничего не искал, ни одному царю лично не льстил; он искренно верил, что цари от бога, и был предан всею душою царскому сану, благоговел перед ним. Шишков без всякого унижения мог поклониться в ноги своему природному царю; но стоя на коленях, он говорил: «Не делай этого, государь, это не хорошо». Убеждения Шишкова были часто ошибочны, но всегда честны. Он не выходил из круга умственных понятий своего времени, круга нередко тесного и ограниченного, но не изменял своим правилам никогда. Эту твердость называли упрямством, изуверством; но боже мой, как бы я желал многим добрым людям настоящего времени поболее этого упрямства, этой горячей ревности. На литературном поприще, которое предшествовало государственному, Шишков действовал точно так

же. Он восстал против победоносного могущества новизны и таланта, всех пленившего, всех увлекшего за собою, восстал, потому что считал это увлечение вредным, восстал один против несметного полчища поклонников торжествующей новизны, сильных и раздражительных; он был осмеян, унижен, ненавидим, гоним общественным мнением большинства... но он сделал свое дело. Старовер, гасильник, славянофил Шишков открыл глаза Карамзину на вредные последствия его нововведений в русском слово. Сам благородный и добрый Карамзин говорил мне (в 1816 году), что у Александра Семеновича много гнева, много желчи, много личной к нему враждебности, а потому много и несправедливого, но есть много и правды. В деле суда и осуждения общественной нравственности, связанном неразрывно у Шишкова с делом литературы, он был еще справедливее и заслуживает еще более уважения, хотя мало имел влияния и оказал, может быть, менее пользы. Собственно же за русское направление, за славянофильство, как бы Шишков не понимал его криво, которое он исповедовал и проповедовал с юных лет до гробовой доски, которого был мучеником, — он имеет полное право на безусловную, сердечную нашу благодарность. История будет беспристрастнее, справедливее нас. Имя Шишкова как литератора, как общественного и нравственного писателя, как государственного человека, как двигателя своей эпохи — займет почетное место на ее страницах, и потомство с большим сочувствием, чем мы, станет повторять стихи Пушкина:

Сей старец дорог нам: он блещет среди народа
Священной памятью двенадцатого года» (2; 311—313).

Племянник А. С. Шишкова, Александр Ардальонович Шишков, был крупным, но забытым впоследствии поэтом и писателем, большим другом А. С. Пушкина и С. Т. Аксакова, человеком трагической судьбы. Лишь в послевоенные годы в литературоведческих статьях М. И. Мальцева и документальной повести Вано Шадури имя Александра Ардальоновича Шишкова было возвращено из забвения и читатель получил много интересных подробностей о жизни и творчестве опального поэта¹.

¹ Мальцев М. И. А. А. Шишков и А. С. Пушкин, в кн.: Ученые записки Саратовского государственного университета, т. XX, вып. филологический, Саратов, изд. СГУ, 1948, с. 92—131; Он же. А. А. Шишков и декабристы в кн.: Труды Томского Гос. университета, Томск, т. 112, серия историко-филологическая, 1950, с. 311—361; Вано Шадури. Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951.

По воспоминаниям С. Т. Аксакова, Саша Шишков в девятилетнем возрасте начал сочинять стихи. Юношеские стихи А. Шишкова неизвестны, а может быть и потому «не печатались, что выражали настроение передовых людей эпохи». Стихи были, они расходились в рукописных списках среди друзей поэта, этим стихам дал высокую оценку А. С. Пушкин в своем послании «К Шишкову», написанном в 1816 году:

Не долго был я усypлен,
Не долго снились мне мечтанья Муз и Славы:
Я строгим опытом невольнo пробужден.
Уснув меж роз, на тернах я проснулся,
Увидел, что еще не гения печать —
Охота смертная на рифмах лепетать,
Сравни стихи твои с моими, улыбнулся —
И полно мне писать»¹.

«А. А. Шишков был связан с Пушкиным узами личной дружбы еще с юности. Сверстники, они часто встречались в бытность Пушкина в Лицее, в Царском селе». Александр Шишков служил тогда в Кексгольмском полку, который после кампании 1815 года стоял в Софии (уездный городок вблизи Царского села, упразднен в 1808 году, на его месте размещались военное поле с казармами)².

По мнению Мальцева, Шишков, естественно, «вращался в кругу друзей и товарищей Пушкина, среди которых были будущие декабристы — Кюхельбекер, Пущин и другие, и следовательно питался передовыми идеями, которые были распространены среди оппозиционно настроенной молодежи. Эти идеи оказали свое благое влияние на формирование мировоззрения как Пушкина, так и Шишкова, в политических взглядах и симпатиях, примыкающих к декабристам»³. В юношеской поэзии Пушкина, особенно после лицейского периода, свободолюбивые настроения выражены очень ярко. Эти же настроения были свойственны и Шишкову. Это подтверждает эпиграмма, которая долгое время приписывалась Пушкину, в действительности же принадлежавшая А. А. Шишкову:

Когда мятежные народы
Наскуча властью роковой

¹ Мальцев М. И. А. А. Шишков и А. С. Пушкин., с. 100.

² Шадури В. Указ. соч., с. 50.

³ Мальцев М. И. А. А. Шишков и декабристы, с. 316.

С кинжалом злобы и мольбой
Искали бедственной свободы,
Им царь сказал¹: «Мои сыны,
Законы будут вам даны,
Я возвращу вам дни златые
Благословенной старины».
И обновленная Россия
Надела с выпушкой штаны»².

А. Шишков служил с 1 октября 1816 года в Гренадерском императора австрийского полку, 23 марта 1817 года был произведен в штабс-капитаны этого полка, а 15 марта 1818 года переведен в Ширванский пехотный полк на Кавказ. Ссылка Шишкова на Кавказ, подобно как и ссылка Пушкина на юг в 1820 году, и ссылка Лермонтова на Кавказ в 1837 году и другие, явилась наказанием за вольнолюбивые стихи и политические поступки.

А. Шишков пробыл на Кавказе до 1822 года, что составляет четыре года ссылки.

«Надо полагать, — пишет Мальцев, — что кавказская жизнь не прошла без пользы и для духовного развития Шишкова. В Грузии крепнут его оппозиционные, антимонархические настроения. Несомненно, что Шишков встречался здесь с близкими себе по духу людьми»³.

Одно из посланий поэта из Грузии к Николаю Тимофеевичу Аксакову, брату Сергея Тимофеевича Аксакова, в котором описана роскошная природа края, заканчивается такими словами⁴:

Но где ж отчизны край родной,
Где хата дымная под снегом?
Когда ж помчусь я, быстрым бегом
К твоей груди, товарищ мой,
И дружную сжимаю руку,
Когда ж я позабуду скуку
С тобой, за чашей круговой.

22 декабря 1821 года Шишков был переведен с Кавказа в Одесский пехотный полк, который размещался на юге Украины. Там он прослужил до 4 октября 1827 года, «до увольнения в пехотный принца Вильгельма полк», что составило шесть лет. За этот период в его личной жизни, службе и творческой биографии произошли некоторые изменения.

¹ Другой вариант: «Деспот сказал» — примеч. Мальцева.

² Мальцев М. И. А. А. Шишков и декабристы, с. 316.

³ Там же, с. 325.

⁴ Шадури В. Указ. соч., с. 106. Н. Т. Аксаков дружил с А. А. Шишковым в 1807—1808 гг.

«Примерно в 1823 году на Украине он женился (похитил у родителей) на дочери уманского жителя, отставного поручика Твардовского, Текле (Катерина). Через год у них родилась дочь Софья. В 1824 году вышел в свет сборник произведений поэта «Восточная лютня». 7 мая 1825 года Шишков был назначен старшим адъютантом 7-го пехотного корпуса генерала А. Я. Рудзевича»¹.

За украинский период в жизни поэта Шишкова можно назвать три момента: это аресты в 1826 и 1827 годах и возобновление дружеских связей с Пушкиным.

Вот письмо А. С. Пушкина к Шишкову, написанное осенью 1823 года в Одессе.

«С ума ты сошел, милый Шишков; ты мне писал несколько месяцев назад: милостивый государь, лестное ваше знакомство, честь имею, покорнейший слуга... так что я и не узнал моего царскосельского товарища. Если заблагорассудишь писать ко мне, вперед прошу тебя быть со мной на старой ноге. Не то мне будет грустно. До сих пор жалею, душа моя, что мы не столкнулись с тобою на Кавказе; могли бы мы и стариной тряхнуть, и поповесничать, и в язычки постучать. Впрочем, судьба наша, казется, одинакова, и родились мы, видно, под одним созвездием. Пишет ли к тебе наш общий приятель Кюхельбекер? Он на меня надулся, бог весть почему. Помири нас. Что стихи? Куда зарыл ты свой золотой талант? под снега ли Эльбруса, под тифлисскими ли виноградниками? Если есть у тебя что-нибудь, пришли мне — право, сердцу хочется.

Обнимаю тебя — письмо мое бестолково, да и некогда мне быть толковее.

Недавно узнал я, что ты знакомец и родственник почтенному Александру Ивановичу². Он доставляет мне случай снестись с тобою, а сам завален бумагами и делами — любить тебя есть ему время, а писать к тебе — навряд»³.

11 января 1826 года А. А. Шишкова арестовали, привезли в Петербург и посадили в Петропавловскую крепость вместе с другими арестованными по делу декабристов. Но поэту на сей раз крупно повезло: его дядя А. С. Шишков был тогда в следственной комиссии и «был членом верховного уголовного суда над декабристами, где

¹ Шадури В. Указ. соч., с. 107.

² Казначеев — племянник А. С. Шишкова, большой друг С. Т. Аксакова, в то же время был в Одессе правителем канцелярии М. С. Воронцова — авт.

³ Шадури В. Указ. соч., с. 108, 109.

он выступал за смягчение участи осужденных»¹. 16 января поэт был уже на свободе.

Братья Александра Ардалионовича Шишкова, Владимир и Семен, также числились на учете в III отделении в 1827 году как неблагонадежные. По распоряжению царя о них были собраны следующие сведения:

1. Владимир Шишков служил в департаменте своего дяди, это тот, что написал в июне прошлого года дерзкие стихи... и который был... помещен в сумасшедший дом.

2. Семен Шишков — молодой человек, служил в каком-то бюро, который до сего времени не учинил никакого скандала и который, здраво рассуждая, не представляет из себя ничего особенного»².

Интересные сведения сообщает В. Шадури о четвертом брате Шишковых — Дмитрие: «Дмитрий в полицейских донесениях не фигурирует. Судя по архивным материалам Музея Грузии (картотека Вейденбаума), он в чине коллежского ассессора скоропостижно умер в Тбилиси 15 апреля 1840 года, вследствие чего его жена Дарья подала прошение о прекращении бракоразводного дела»³.

В 1827 году в связи с «делом о зловредных сочинениях» Ротчева и Александра Шишкова, последний был снова арестован и осужден со ссылкой в Динабург⁴.

7 октября 1827 года А. А. Шишков был из Петербурга увезен в Динабург, где находился полк принца Вильгельма прусского, и откуда ежемесячно шел донос на Шишкова.

Преследование опального поэта продолжалось. За ним был установлен строгий надзор. Малейшая неосторожность могла снова свергнуть его в беду. Повод для возбуждения нового дела против поэта вскоре нашелся. В октябре 1828 года он был замечен начальством «в нетрезвом состоянии и в ссоре с отставным офицером».

24 января 1829 года Николай I предал Шишкова суду. Шишков был отставлен от службы с запрещением проживать в обеих столицах и оставался под строгим надзором полиции. Шишков выбрал местом своего проживания город Тверь⁵.

К тверскому периоду, как отмечает Мальцев, относится «начало сотрудничества Шишкова в журнале «Мос-

¹ Шадури В. Указ. соч., с. 110, 114.

² Там же, с. 125.

³ Там же, с. 126.

⁴ Ныне Даугавпилс (бывш. Двинск, ранее Динабург) — город в Латвии.

⁵ Шадури В. Указ. соч., с. 132—134.

ковский Вестник», в чем он в первую очередь обязан своему другу С. Т. Аксакову, бывшему с М. П. Погодиным, издателем этого журнала, в близких, дружеских отношениях»¹.

А. А. Шишков не прерывал своих дружеских связей и с Пушкиным. Как только был издан «Избранный Немецкий театр», Шишков 6 октября 1831 года послал первый том своему другу, при этом писал: «Надеюсь на твое снисхождение к трудам моим, милый Александр Сергеевич, посылаю тебе 1-й том моих переводов; второй же том доставлю с первой почтой. Прими его. Порой он напомнит тебе товарища детских лет и отчасти бурной молодости»².

Пушкин, получив от Шихкова перевод «Фортуната» Л. Тика, писал Погодину 11 июля 1832 года: «Я Шишкову не отвечал и не благодарил его. Обнимите его за меня. Дай бог ему здоровья за «Фортуната». Пушкин и Шишков сотрудничали в журнале «Московский Вестник» Погодина. Вместе с Пушкиным, Вяземским и другими Шишков принимал участие в полемике против Н. А. Полевого, редактора «Московского телеграфа», враждовавшего с «Московским Вестником». В письме к С. Т. Аксакову осенью 1830 года Шишков просил Аксакова повидаться с Пушкиным и договориться о совместном действии против Полевого»³.

Тверской период жизни поэта, самый трагический, детально изучен М. И. Мальцевым.

27 января 1830 года у А. А. Шихкова взяли подписку о том, что он будет жить в городе Твери. Однако он поселился сначала в уездном городе Корчеве Тверской губернии, вблизи которого было имение, доставшееся ему с братьями после смерти отца.

«Отставка от службы имела серьезные материальные последствия для Шихкова: он остался почти без средств. Доходы от имения, принадлежавшего четырем братьям, не могли обеспечить его семьи. Не имея возможности выезжать из Твери, Шихков не мог, естественно, зарабатывать себе на жизнь литературным трудом, так как сотрудничество в журналах, а также издательские дела требовали посещения Москвы и Петербурга.

Осенью 1830 года Шихков переселился в Тверь, откуда все же было легче поддерживать литературные связи,

¹ Мальцев М. И. А. А. Шихков и декабристы, с. 352.

² Мальцев М. И. А. А. Шихков и А. С. Пушкин, с. 104.

³ Там же, с. 105.

так как город был расположен на пути из Москвы в Петербург. Здесь он часто встречается и дружит с Ф. Н. Глинкой, приехавшим сюда из Петрозаводска. К этому времени относится возобновление связей с С. Т. Аксаковым, а также издание «Избранного Немецкого театра», прерванное, по-видимому, в связи с мытарствами Шихкова. В письме к С. Т. Аксакову, относящемся к осени 1830 года, Шихков пишет: «Почтеннейший друг мой Сергей Тимофеевич! Долго, долго я не писал к тебе, но не обвиняй меня в неблагодарности, не говори: Шихков забыл дружбу мою к нему! Он в душе прав, но обстоятельства, а обстоятельства мой непримиримый враг. Впрочем и последнее письмо твое меня слишком тронуло. Друг мой! Когда я был оставлен целым миром, ты один вызвался подать мне руку помощи и подал ее; ты для меня сделал то, чего я никогда не в силах заплатить тебе, а теперь отказываешься принять от меня плату за твою собственность. Нет мой друг! Слишком чувствую твои одолжения, слишком знаю и мои обязанности в отношении к тебе. — Оставим это покуда; в скорейшем времени буду в Москве и договорю тебе то, что легче чувствовать, нежели выразить.

Посылаю тебе Марию Стюарт. Уведомь ради бога, что наше издание? Я об нем не знаю и не слышу. — Оканчиваю теперь Князей Хованских, Раупаха. Не нужно ли из них отрывка?»¹

В июле 1830 года Шихков, под предлогом навестить больную жену, выехал в Москву, несмотря на запрещение проживать в обеих столицах и на данную им в этом подписку. В Москве Шихков подал прошение на имя царя, в котором умолял учесть его «горестное положение» и дозволить остаться в Москве. На что последовала личная резолюция Николая I: «Взять меры, чтобы впредь не своевольничал»².

Шихкова возвратили в Тверь, строго запретив выезд без ведома властей.

Во время приезда Бенкендорфа в Москву в октябре 1831 года Шихков пишет ему прошение, которое вручает через свою жену. Бенкендорф на прошении Шихкова наложил резолюцию: «Оставить без ответа».

Вынужденный жить безвыездно в Твери, без службы, без денег, Шихков делал отчаянные попытки выйти из бедственного положения. 15 марта 1832 года председатель

¹ Мальцев М. И. А. А. Шихков и декабристы, с. 353, 354.

² Там же, с. 355.

тверской уголовной палаты снова доносил Бенкендорфу, что 8 марта Шишков «вновь отлучился самовольно, отправляясь по московскому тракту, и вероятно в Москву» и запрашивал Бенкендорфа «каким образом... привести в исполнение Высочайшее повеление... «взять меря, дабы Шишков не своевольничал».

Подобное же донесение послано Бенкендорфу московским оберполицмейстером, получившим из Твери сообщение о выезде Шишкова в Москву. Бенкендорф на вопрос, какие меры посоветовать Тверскому губернатору «к удержанию Шишкова от таковых отлучек на будущее время», ответил, «что за последовавшим высочайшим повелением взять меры дабы он не своевольничал, от самого начальства зависит иметь за ним наблюдение»¹.

Не помогло поэту и обращение за помощью к дяде, адмиралу А. С. Шишкову, которого он в письме от 12 июля 1832 года «со слезами молит» подать руку помощи «исходатайствовать определение по Министерству Просвещения или Иностранной Коллегии» даже писцом, без жалованья, чтобы жить в Петербурге или Москве. «Занятия по словесности, — писал он, — дадут мне во всякой столице кусок хлеба и кровлю от непогоды!»

«Вместе с тем, — продолжал он далее, — принужден я сделать тяжкое признание: прежде двух месяцев я не имею ни средств, ни надежды иметь копейку денег»².

Но и влиятельный в свое время адмирал А. С. Шишков теперь не мог уже помочь находящемуся в большой опале племяннику.

В ответ на просьбу адмирала определить племянника на службу Бенкендорф, докладывавший об этом царю, писал ему 12 августа 1832 года: «Я имел счастье докладывать Государю Императору и его Величество соизволил отозваться, что помянутый племянник Ваш должен, ежели захочет служить, определиться рядовым». После этого Шишкову, конечно, нечего было пытаться найти примирение с властями, чтобы получить возможность беспрепятственно заниматься литературным трудом или устроиться на государственную службу.

Пытался найти себе дело и в Твери. Летом 1832 года он подал на имя тверского гражданского губернатора записку с просьбой разрешить устроить «на собственном иждивении» на набережной в доме купца Аверкова театр». Однако и эта попытка была напрасной.

Как видим, дело шло к развязке. Затравленный Шишков задыхался в безвыходном положении, в нищете и бесправии, не видя никаких перспектив облегчения своего положения.

«Горько настоящее и нет надежды на будущее, если рука провидения не выведет меня на путь», — жаловался поэт в письме к дяде 2 июля 1832 года... Такова обстановка, на фоне которой 27 сентября 1832 года произошло убийство А. А. Шишкова в Твери адъютантом первой бригады первой уланской дивизии лейб-гвардии уланского полка поручиком Александром Пахомовичем Черновым»¹.

Обстоятельства, при которых был убит поэт, были следующие. На вечере в благородном дворянском собрании между Шишковым и Черновым произошла ссора якобы по поводу того, что Шишков ругал Россию, называя ее нацией 5 миллионов дураков. Чернов, возражая Шишкову, оскорбительно выразился по адресу жены поэта, за что получил пощечину. После этого произошла драка: Чернов свалил Шишкова на пол, топтал ногами, пока их не розняли присутствующие при этом офицеры. Затем Шишков и Чернов покинули благородное собрание и в сопровождении других офицеров направились к квартире Чернова. «У своего дома Чернов опередил всех, вбежал к себе в комнату и, вооружившись кинжалом, злодейски зарезал Шишкова, когда тот поднимался по лестнице в коридор... Трудно судить, было ли убийство Шишкова случайным или преднамеренным. Материалы следствия о нем противоречивы, и по ним нельзя окончательно установить истину»².

После смерти поэта вдова А. А. Шишкова, Катерина с малолетней дочерью Софьей оказалась в бедственном положении: им остались большие долги и неизданные литературные труды. Вдова сначала хлопотала по изданию сочинений мужа. В письме ее к адмиралу А. С. Шишкову, в конце 1832 года, говорится: «Я давно к вам не писала, дражайший дяденька, потому что беспрестанно в то время находилась в хлопотах по некоторым делам для меня весьма затруднительным; я приехала в Москву учредить подписку на издание рукописей: за это берутся Аксаков, Погодин и Надеждин; дай бог, чтобы только было успешно». К этому времени относится «Извещение», напечатанное в «Молве». Сообщая о гибели А. А. Шиш-

¹ Мальцев М. И. А. А. Шишков и декабристы, с. 355.

² Там же, с. 356.

¹ Мальцев М. И. Указ. соч., с. 356, 357.

² Мальцев М. И. Указ. соч., с. 357.

кова «в цветущих летах», редакция «Молвы» сообщала: «Почти без всякого состояния остались супруга и дочь покойного Шишкова: литературные труды его — их единственное достояние. Мы уверены, что вся просвещенная и читающая публика примет участие в подписке на четыре тома сочинений и переводов Шишкова 2-го, о котором мы теперь, по поручению госпожи Шишковой, вдовы покойного, извещаем... Если по прошествии четырех месяцев, т. е. в начале апреля 1833 года, число подписчиков не обеспечит расходов издания, деньги имеющие храниться у тех особ, где собралась подписка, будут возвращены подписавшимся; но если сумма окажется достаточной прежде апреля, то печатанье начнется немедленно, о чем объявится в Молве и Московских Ведомостях. Надзор за изданием принимают на себя С. Т. Аксаков, М. П. Погодин и издатель «Телескопа».

Подписка шла, видимо, туго. Уже в марте выяснилось, что собранная сумма не сможет покрыть расходов издания. Тогда Катерина Шишкова, зная о приятельских отношениях своего мужа с А. С. Пушкиным, обратилась к нему за помощью, с рекомендательным письмом Н. И. Греча.

«Беспокою вас сим письмом, — писал Греч 13 марта 1833 года Пушкину, — я уверен, что вы не оставите его без внимания: оно адресуется к вашему сердцу. К вам явится несчастная вдова Шишкова 2-го»¹. Далее в письме содержится описание бедственного положения Шишковой, оставшейся с дочерью Софьей, единственной наследницей литературных произведений погибшего поэта, и просьба к Пушкину помочь устроить издание сочинений А. А. Шишкова за счет Российской академии, так как президент академии А. С. Шишков, как родственник покойного поэта, не решается сам внести это предложение.

Пушкин, избранный незадолго до этого членом Российской академии, горячо взялся за дело и довел его до конца... В результате хлопот Пушкина в 1834—1835 годах Российской академией были изданы «Сочинения и переводы капитана А. А. Шишкова в четырех томах»².

Катерине Шишковой не суждено было видеть это издание. Весной 1834 года ее уже не было в живых, о чем свидетельствует письмо адмирала А. С. Шишкова на имя Николая I от 9 мая 1834 г.:

¹ Шадури В. Указ соч., с. 151.

² Там же, с. 152, 153.

«Малолетняя внучка моя, — читаем в этом письме, — Софья Шишкова, воспитывающаяся в обществе благородных девиц [А. С. Шишков еще при жизни поэта взял на свое попечение его дочь Софью и начал хлопотать об определении ее в Институт благородных девиц], лишившись вдруг отца и матери, осталась без всякого имущества безродной и бесприютной сиротой, не имеющей ни на кого надежды, кроме на меня, стоящего у гроба старика. В сих обстоятельствах, не имея возможности иным образом сколько-нибудь устроить будущее ее состояние, решился я выпустить мои книги (речь идет об издании Собрания сочинений адмирала А. С. Шишкова в 16 томах, дозволенного царем), и все оные предоставить в ее пользу»¹.

О дальнейшей судьбе дочери поэта в литературе встречаются противоречивые сведения.

М. И. Мальцев утверждает, что Софья Александровна Шишкова родилась 6 декабря 1824 года и впоследствии вышла замуж за М. И. Семевского; никаких ссылок на источники не приводится, хотя все остальные положения его работ тщательно аргументированы².

Михаил Иванович Семевский (1837—1892) — известный историк, основатель и редактор журнала «Русская старина». Выходит так, что он был моложе своей жены на 13 лет!

Л. А. Черейский о ней же сообщает, что она родилась в ноябре 1824 года, в 1848 году окончила Смольный институт и впоследствии стала женой Григория Сергеевича Аксакова³. Сведения эти даны со ссылкой на книгу: А. С. Пушкин. Дневник. 1833—1835, под редакцией и объяснительными примечаниями Б. Л. Модзалевского и со статьей П. Е. Щеголева (М.-Пг., 1923).

Как увидим ниже, оба автора, и Мальцев и Черейский, ошибаются. Дочь поэта, Софья Александровна, действительно вышла замуж за Семевского, но не за Михаила Ивановича — известного историка, а за Василия Арсентьевича (1825—1875), уездного предводителя дворянства. Умерла она в 1869 году⁴.

В книге, на которую ссылается Черейский, ни в дневнике А. С. Пушкина, ни в статье П. Е. Щеголева Софья

¹ Шадури В. Указ соч., с. 155.

² Мальцев М. И. А. А. Шишков и декабристы, с. 325.

³ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1976, с. 477.

⁴ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник, т. 2, с. 358.

Александровна Шишкова даже не упоминается. Б. Л. Модзалевский в своих примечаниях также не сообщает о ее замужестве. Как видим, утверждение о том, что А. С. Шишкова была женой Г. С. Аксакова, принадлежит самому Л. А. Черейскому.

Рассмотрим, когда и кто из тверских Шишковых оказался впервые в Оренбургском крае.

Дядя адмирала Шишкова, Федор Яковлевич Шишков, начал службу в армии в 1762 году солдатом лейб-гвардии Измайловского полка, через восемь лет он стал капитаном, а еще через четыре — секунд-майором. В 1775 году он уже был на гражданской службе в чине надворного советника, а затем коллежского советника в экспедиции таможенных дел Казенной палаты Уфимского наместничества. В том же 1775 году он женился на Прасковье Николаевне Зиминской, получившей в приданое от своей матери, вдовы подпоручика, Анны Яковлевны Зиминской 99 душ в селе Зеленевке Симбирского наместничества и округа. Прасковья Яковлевна умерла 24 августа 1793 года; ее муж, Федор Яковлевич Шишков был назначен опекуном над малолетними детьми — сыном Александром и дочерью Дарьей. После смерти отца (до марта 1807 г.), попечителем к детям был назначен Федор Михайлович Карамзин¹. Вот этот Александр Федорович Шишков и был впоследствии отвергнутым женихом Надежды Тимофеевны Аксаковой. Но вернемся вновь к его отцу, о котором Григорий Степанович Винский оставил такие воспоминания:

«Некто г. Шишков, Федор Яковлевич, по новому учреждению губерний таможенный советник, приехавши в Оренбург по своей должности и увидевшись со мною, как сослуживец в Измайловском полку, добрый человек, вошел искренне в мое положение и, желая, сколько можно, улучшить мою участь, предложил мне сделаться домашним учителем у одного его приятеля, чиновника, живущего в Уфе... 9 августа 1783 года отправился я из Оренбурга в Уфу. Винский в то время с помощью Шишкова был устроен к Булгаковым домашним учителем, а весною 1793 года Винский переехал в имение Ф. Я. Шишкова и был воспитателем его сына, Александра Федоровича Шишкова².

В 1796 году Ф. Я. Шишков был избран Бузулукским

уездным предводителем дворянства на следующее шестое трехлетие (первые выборы происходили в 1782 г.)¹.

В ведомости, составленной в Уфимском наместническом правлении, о частных винокуренных заводах на 1796 год упоминается завод Федора Шишкова при деревне Шишковке, выкуривающий 10610 ведер вина в год. По контракту с Уральской войсковой канцелярией вино поставлялось в уральский винный магазин. Владелец завода имел крепостных крестьян в Бузулукской округе — 218, в Симбирской — 103, а Нижегородской — 221, а всего 542 души². Через три года винокуренный завод выпускал уже 30000 ведер вина в год, что отмечалось в августе 1800 года сенаторами М. Г. Спиридоновым и И. В. Лопухиным в рапорте сенату с отчетом об обследовании ими Оренбургской губернии³.

Для истории населенных пунктов бывшей Оренбургской губернии немалый интерес представляло бы определение местонахождения усадьбы Шишковых, в которой Г. С. Винский прожил длительное время и где составлена им была большая библиотека для своего воспитанника А. Ф. Шишкова. Тем более это представляет интерес для всех тех, кто глубоко интересуется творчеством С. Т. Аксакова, а также Г. С. Винского.

Отметим, что ни Г. С. Винский, ни Н. Т. Карташевская не дали названия имения Шишковых, только С. Т. Аксаков указал, что оно находилось в ста верстах от Ново-Аксакова (2; 456).

А. А. Сиверс, описывая имущественное положение семьи в связи с разделом имения после смерти отца, Ф. Я. Шишкова, между его сыном Александром и дочерью Дарьей сообщил:

«Согласно утвержденному Оренбургскою палатою гражданского суда 17 декабря 1807 раздельному акту за умершим кол. сов. Федором Яковлевичем Шишковым обще с детьми его форштмейстером Александром Федоровичем и сестрою его княгиней Дарьей Федоровной Мустафиной состояло по последней пятой ревизии нижеследующее имение: в Нижегородской губ. Сергачской округе в селе Молчанове, д. Сумарокове и д. Скучихе — 15

¹ Новиков В. А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879, с. 89—146.

² Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 526, 527, 594, 737.

³ Там же, с. 589, 594.

¹ Сиверс А. А. Указ. соч., с. 103, 104.

² Винский Г. С. Мое время. П., Огни, 1914, с. 113, 143.

душ, в Симбирской губ. и округе в селе Богородском-Зеленевке (за переводом в Оренб. губ. Бузулукской округи в д. Шишкову 62 душ) — 41 душа, в Оренбургской губ. Бузулук. окр. в с. Зимненках — 176 душ, в с. Богородском — Языкове — 97 душ по покупке родителем у гвард. прапорщика Николая Дмитриевича Апраксина и в д. Шишковке-Александровке с переведенными — 103 души. Из этого имения Дарья Мустафина получила с. Молчаново, д. Сумарокову и Скучиху с пустошами, за исключением из показанного села Молчаново дворовых людей и крестьян без земли на вывод...

А. Ф. Шишков получил имения в Оренбургской и Симбирской губ. со всеми принадлежащими к ним землями с пустошами и угодьями... Равным образом ему уступлено было дело, производившееся с внучатыми дядьями Зимнинскими в Прав. Сенате о наследственном имении, оставшемся после смерти капитана С. С. Зимнинского. По списку 1820 года за А. Ф. Шишковым показано в с. Языково, с. Зимнинках и дер. Александровке 515 душ крестьян и 23000 десятин земли¹.

Имение Шишковых бывшего Бузулукского уезда по современному административному делению находилось частично в Борском районе Куйбышевской области (с. Языково) и частично Бузулукском районе Оренбургской области (с. Зимниха на тракте Бузулук — Бугуруслан, поблизости от села Державино, находящегося в верховьях реки Кутулук, левого притока Большого Кинеля. Село Державино в те времена принадлежало знаменитому поэту Р. Г. Державину). Село Зимнинки (Зимниха) получило свое название по фамилии деда А. Ф. Шишкова подпоручика Николая Сергеевича Зимнинского².

Надо полагать, что помещицья усадьба Шишковых была в деревне Шишковке, где находился и винокурный завод.

7 апреля 1921 года в с. Языково Могутовской волости Бузулукского уезда, в бывшем имении своего деда А. Ф. Шишкова, скончалась любимая внучка С. Т. Аксакова Ольга Григорьевна Аксакова³.

Сообщим краткую биографию Александра Федоровича Шишкова, названного С. Т. Аксаковым в повести «На-

¹ Сиверс А. А. Указ. соч., с. 106.

² Там же, с. 104.

³ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. С. Т. Аксаков. Краеведческие очерки. Уфа: Башкиргоиздат, 1981, с. 121.

таша» — Шатовым. Он приходился двоюродным братом адмиралу А. С. Шишкову. Родился он в 1788 году. В апреле 1805 он поступил на службу в Департамент Министерства внутренних дел и в феврале 1806 г. был определен в Оренбургскую губернию форштмейстером. В конце того же года он получил первый классный чин коллежского регистратора. В начале 1808 г. он был переведен из Лесного департамента в канцелярию оренбургского военного губернатора. В конце того же года он уже губернский секретарь. К этому времени относится его неудачное сватовство к сестре С. Т. Аксакова, Надежде Тимофеевне Аксаковой. В конце 1812 года он зачисляется юнкером в лейб-гвардии Гусарский полк, а затем служит корнетом в Гродненском гусарском полку и выходит в отставку 6 декабря 1813 года. В 1831—1833 годах он был Бузулукским уездным предводителем дворянства.

В 1818 году А. Ф. Шишков женится на 18-летней Марии Алексеевне Булгаковой. Поручителем жениха был его прежний опекун капитан Федор Михайлович Карамзин, младший брат известного писателя и историка Николая Михайловича Карамзина, проживавший в с. Преображенском Бузулукской округи.

О третьем брате, гвардии прапорщике Александре Михайловиче Карамзине¹, упоминал С. Т. Аксаков в «Детских годах Багрова-внука» как о частом госте На-

¹ Сиверс А. А. Указ. соч., с. 105, 106, 145, 146.

дежды Ивановны Куроедовой в с. Чуфарово. (1; 471). В том же произведении С. Т. Аксаков описывает рыбную ловлю на озере Кишки под Уфой с участием Ивана Николаевича Булгакова, неудачно пытавшегося научить его верховой езде. (1; 385, 394). Имение И. Н. Булгакова находилось в селе Алмантаево, ныне это деревня Камышлы Уфимского района, в 33 км от Уфы и от центра сельсовета, села Булгакова, — 3 км¹.

Жена А. Ф. Шишкова, Мария Алексеевна Булгакова, была племянницей аксаковского Булгакова.

В семье А. Ф. и М. А. Шишковых было шесть человек детей: четыре сына — Евграф, Виктор, Николай и Александр и две дочери — Нина и Софья. Последняя, Софья Александровна Шишкова, родившаяся в 1830 году, стала в 1848 году женой Григория Сергеевича Аксакова. Венчанье состоялось 8 января 1848 года в Спасо-Вознесенском соборе г. Симбирска. Софья Александровна Аксакова приходилась троюродной сестрой опальному поэту А. А. Шишкову².

Глава XXXV

МАРКЕВИЧИ.

Племянница С. Т. Аксакова, одна из дочерей Надежды Тимофеевны Карташевской, Надежда Григорьевна была замужем за Андреем Николаевичем Маркевичем (Марковичем), сенатором, председателем Человеколюбивого общества (1830—1907). Умерла она в 1890 году. Остановимся подробнее на украинском роде Марковичей, так как многие представители этого рода играли видную роль в культурной и политической жизни Украины.

Основателем этого рода был Марк Аврамович — купец, поселившийся в 1660-х годах в Прилуке и умерший в 1712 году. Его дочь Настасья в 1708 году вышла замуж за малороссийского гетмана Ивана Ильича Скоропадского, родом из шляхты, перешедшей в казацкие ряды при Богдане Хмельницком. Настасья имела на мужа и малороссийские дела большое влияние. Отец же ее, бла-

¹ Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 сент. 1981 г. Уфа: Башкиргоиздат, 1981, с. 281.

² Сиверс А. А. Указ. соч., с. 128, 106, 99.

годаря ей, возвысился среди старшины¹. В 1722 году Настасья овдовела. В 1727 году гетманство было восстановлено и новый гетман молдавского происхождения Даниил Павлович Апостол стал притеснять вдову Настасью и ее брата Андрея Марковича, бывшего в то время лубенским полковником, а впоследствии ставшего генеральным подскарбием. О событиях этих подробно рассказано историком С. М. Соловьевым: «Сын Андрея Марковича, Яков, отправился в Москву хлопотать за отца и вместе за тетку, вдову бывшего гетмана Скоропадского, которую теснил новый гетман. Этот Яков оставил по себе любопытные записки, которые переносят нас в Москву, старую столицу новой, преобразованной России, и обрисовывают нам отношения малороссиян к императорскому правительству. С начала эпохи преобразования малороссиянин, ехавший в Москву или Петербург, был уверен, что найдет там покровителей в земляках своих как между знатым черным, так и между белым духовенством. Так и наш Яков Маркович, приехав в Москву, прямо остановился у духовника государева отца Тимофея Васильевича. Маркович приехал в Москву в январе 1728 года, когда все еще думали, что царица-бабка² будет иметь сильное влияние на дела; и вот он отправляется в Новодевичий монастырь, куда ведет его тамошний священник Василий и приводит к игуменье из малороссиянок Олимпиаде Коховской, к которой он привез письмо от тетки Скоропадской; был у царицы, которая подчивала его из своих рук водкой. Когда он пировал после того у священника Василия, туда же приехал карла царицы, и Мар-

¹ На Украине существовала старшина генеральная, полковая и сотенная. Генеральная старшина включала семь высших должностей: генерального обозного, судью, писаря, есаула, хорунжего, бунчужного и подскарбия. Окончательно эти должности были установлены при Богдане Хмельницком. Генеральный обозный, есаул, хорунжий и бунчужный исполняли отдельные поручения гетмана. В военное время обозный ведал артиллерией; хорунжий и бунчужный в публичных церемониях оберегали: первый — войсковое знамя, а второй — бунчук — знак достоинства гетмана. Бунчук состоял из длинного древка, наверху которого был насажен металлический шар, а ниже свешивался лошадиный хвост. Подскарбий вел финансовую часть, ведал обложением населения налогами и правильностью их сбора. Впоследствии понятие старшины расширилось и включало всех лиц, занимавших должности при гетмане, в полках и сотнях, включая и их потомков. Старшина была превращена в помещиков и в 1783 году приравнена к русскому дворянству.

² Царица-бабка — Евдокия Федоровна Лопухина (1669—1731), первая жена Петра I, в монастыре Елена; после воцарения Петра II, своего внука, она была перевезена из Шлиссельбурга в Новодевичий монастырь.

кович — счел за нужное побрататься с ним и в знак любви подарил пять червонных. Понятно, что Маркович не мог обойти представителя малороссийских духовных Феофана Прокоповича¹. Он был у него несколько раз и записал, о чем шла речь... В другой раз Маркович записал: «Ездил до архирея новгородского, который в разговоре объявлял мне способ садить регулярно малину, ежевику и другие ягоды; он же сказывал и способ делать простые барометры». Наконец, записано: «Ездил до архирея новгородского, который в разговоре сказывал: чтоб пиво было вскоре светло, должно песку крупного, придавши к оному мало сахару, разжарить и всыпать в бочку, то за неделю, а много за две, будет светло».

Монастырями и архиерейскими подворьями малороссийскому челобитчику, разумеется, ограничиться было нельзя, и потому Маркович немедленно отправился к секретарю Иностранной коллегии Курбатову и отдал ему письмо отца и тетки Скоропадской вместе с 30 червонцами; потом опять был у секретаря, поиграл с ним в карты (шнии-шнап) и на другой уже день отправился к канцлеру графу Головкину с просительным письмом от отца и Скоропадской, и через день Курбатов дал ему письмо Головкина к Наумову, чтоб не притеснять старика Марковича. Молодой Маркович счел нужным побывать и у других вельмож, но важнее всего было побывать у производителя дел Верховного тайного совета Степанова, а к производителям дел и секретарям с пустыми руками ездить было нельзя, и Маркович к письмам отца и Скоропадской присоединил 40 червонных. При таких средствах дело пошло на лад, и старика Марковича велено сделать генеральным подскарбием².

Андрей Маркович, став генеральным подскарбием, в 1736 году был возведен и в дворянство; его следует считать основателем дворянского рода Марковичей. О его сыне, Якове (1696—1770), — авторе известного дневника,

¹ Феофан Прокопович (1631—1736) — видный церковный деятель, один из ближайших сотрудников Петра I; автор многочисленных богословских и политических трактатов, преподавал в Киевской духовной академии пиитику, риторику и богословие, был ректором академии. В числе его учеников был и Яков Маркович, выделявшийся большими успехами. В 1716 году Феофан переехал в Петербург, вызванный туда царем, и был назначен епископом псковским и нарвским. См. Энциклопедия «Просвещение», т. 12, с. 652; т. 20, с. 811; БСЭ, т. 47, стб. 213, 214. — авт.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. X, т. 19. М.: Изд. соц.-эконом. литературы, 1963, с. 166—168.

охватывающего время с 1717 по 1767 годы¹, уже рассказано выше. Здесь отметим, что одной из причин притеснения Андрея Марковича было близкое его родство с Полуботками: Елена Ивановна Полуботок, умершая в 1745 году, была его женой².

Род Полуботков был одним из богатейших на Украине, Генеральный бунчукный, переяславский полковник и сподвижник Богдана Хмельницкого, Леонтий Артемьевич Полуботок, после Переяславской Рады, принявший в 1654 году историческое решение о воссоединении Украины с Россией, получил звание потомственного дворянина. Его сын Павел, родившийся около 1660 года, полковник черниговский и наказной атаман Украины, был одним из двух кандидатов на гетманскую булаву после измены Мазепы. Петр I утвердил в 1708 году гетманом И. И. Скоропадского, которому больше доверял, а Павла Полуботка наградил большими поместьями. Впоследствии отношения Петра I и Полуботка ухудшились: последний был обвинен в различных злоупотреблениях и навлек гнев царя требованием расширения власти гетмана, на место которого претендовал после смерти И. И. Скоропадского в 1722 г. Полуботок был вызван в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость, где и умер в 1724 году. Имение его было описано, но денежные суммы оказались скромными, несоответствующими богатству владельца. Существует легенда, что, опасаясь конфискации имущества, П. Л. Полуботок заблаговременно успел через своего сына Якова в 1720 году вывезти бочонок с золотыми монетами на сумму 200 тысяч рублей через Архангельский порт на английской шхуне в Лондон, где золото было помещено на его имя в Ост-Индскую компанию из расчета 4 процентов в год. Вскоре той же компании на тех же условиях был передан еще миллион через иностранного дипломата.

Молва о богатстве П. Л. Полуботка, хранящемся в английском банке, в XIX веке неоднократно публиковалась в газетах. Один из потомков П. Л. Полуботка, музыковед и композитор, составитель ряда сборников украинских и русских песен, Александр Иванович Рубец (1837—1913) проявил большую энергию в получении наследства. 15 января 1907 года он в городе Стародубе Черниговской

¹ Дневник издан в 1859 г., а затем в полном и восстановленном виде напечатан в «Киевской старине» в 1890 г.

² Милорадович Г. Родословная книга черниговского дворянства. СПб., 1901, т. 2, с. 120; здесь допущена опечатка: ген. подскарбием назван его сын Яков Андреевич Маркович.

губернии, где тогда жил, организовал съезд всех наследников сказочного богатства. Собралось более 350 человек, среди них была и земский врач Полтавской губернии Инна Никоноровна Шеболдаева. Известно, что съезд издал брошюру под названием «Письма наследников Полуботка», но книга эта до сего времени не найдена ни в библиотеках, ни в архивах, хотя и была издана тиражом не столь уж малым — 600 экземпляров. Сведения о дальнейшем ходе борьбы за наследство прерываются на полвека. В 1958 году дочь и внуки И. Н. Шеболдаевой, жители Москвы О. Широченская и ее сын С. Широченский обратились в Инюрколлегия с заявлением об истребовании из английского банка наследства, которое, к тому времени, с процентами должно было составить астрономическую сумму в один триллион фунтов стерлингов. Пока все усилия Инюрколлегии по розыску архивных документов, подтверждающих денежный вклад П. Л. Полуботка в английский банк, успехом не увенчались, хотя поиски их велся и в Англии¹.

Но вернемся к представителям рода Марковичей.

Яков Михайлович Маркович (1776—1804), правнук основателя рода, был автором историко-топографического описания Малороссии («Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях»).

Афанасий Васильевич Маркович (1822—1867) — украинский писатель, окончил Киевский университет. В 1847 году был арестован по обвинению в принадлежности к Кирило-Мефодьевскому братству и сослан в Орел; собирал фольклорный материал, записывал украинские песни, обряды, обычаи. Его жена Мария Александровна Маркович (1834—1907) — известная украинская писательница, ее псевдоним Марко Вовчек, урожденная Вилинская. Будучи за границей в августе 1859 года, М. А. Маркович вместе с мужем и сыном посетили А. И. Герцена в Лондоне. Там она прочитала Герцену в рукописи свою повесть «Игрушечка». Герцен был «очень доволен» и высказал свое мнение: «Она займет славное место в нашей литературе — ей надобно расширить рамки и захватить побольше элементов»².

К ее творчеству с симпатией относились Чернышевский, Добролюбов, Тургенев и др. «Вдохновенной книгой» назвал Т. Г. Шевченко ее рассказы из народного

быта «Народні оповіданія», и посвятил ей в память первого знакомства с нею — «24 января 1859 года свое стихотворение «Марку Вовчку», начинающееся так:

Еще недавно за Уралом
Блуждал я, бога умолял,
Чтоб наша правда не пропала,
Что наша речь не умирала,
И вымолил! Господь послал
Тебя нам, кроткого пророка
И обличителя жестоких
И несчастных...¹

Николай Андреевич Маркович (26.1.1804—9.7.1860) — четыре раза правнук основателя рода Марковичей, поэт, историк и этнограф, автор книги баллад «Украинские мелодии» (на русском языке), сборника «Народные украинские напевы, положенные на фортепьяно» и пятитомной «Истории Малороссии», которой Т. Г. Шевченко пользовался, работая над историческими поэмами. Шевченко называл Н. А. Марковича своим приятелем и посвятил ему стихотворение «Н. Марковичу»². Это и был свекор Надежды Григорьевны Карташевской. Он был женат на Ульяне Александровне Ракович, умершей в 1893 году. Они имели двух сыновей Андрея и Михаила; оба сына женились на Карташевских: Андрей Николаевич женился на Надежде Григорьевне Карташевской, племяннице С. Т. Аксакова; Михаил Николаевич женился на Надежде Владимировне Карташевской, двоюродной внучке писателя.

У Тимофея Степановича Аксакова было имение в деревне Пестровке в Стерлитамакском уезде, которое впоследствии досталось его дочери Надежде Карташевской, а затем внуку Якову Григорьевичу Карташевскому и правнуку Дмитрию Андреевичу Маркевичу.

Подробности об этом имении и о младших представителях рода Маркевичей мы здесь не сообщаем, так как этот материал изложен нами в ранее изданной книге³.

Здесь же добавим, что между владельцами имения и местными жителями отношения осложнялись спором о земле, а также недовольством жителей винокурением и

¹ Шевченко Тарас. Собрание соч. в пяти томах, т. 2, М.: ГИХЛ. 1948, с. 297.

² Там же, т. 1, 1949, с. 113, 444.

³ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Незаконченная повесть С. Т. Аксакова «Наташа». Историко-краеведческий комментарий. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1988, с. 157—166.

¹ Шварц В. Дело № 1340. Советская культура, 29 января 1982 г.

² Летопись жизни и творчества А. И. Герцена, 1859—1864. М.: Наука, 1983, с. 70.

торговлей спиртными напитками. Известно, что местный житель, учитель Алексей Степанович Ломоносов занимался в 1905—1906 гг. агитацией между крестьянами, «подстрекал» жителей соседних с именем Марковичей селений к порубке в даче Марковича леса и захвату скота и имущества¹.

Глава XXXVI

К. А. ТРУТОВСКИЙ.

В Государственной Третьяковской галерее находится картина известного художника Константина Александровича Трутовского (1826—1893) «С. Т. Аксаков диктует своей дочери Вере в Абрамцево» (1892 г.). Эту картину воспроизводит С. И. Машинский в своей книге, называя художника племянником писателя².

В действительности это не так: художник был мужем Софьи Алексеевны Самбурской, племянницы жены писателя, Ольги Семеновны Аксаковой. С. А. Самбурская с 1840 г. после смерти своей матери жила и воспитывалась в семье Аксаковых³. «Ольга Семеновна ее очень любила и заменяла ей мать, окружая ее самой нежной заботливостью, наравне со своими детьми»⁴.

О близости К. А. Трутовского и С. Т. Аксакова свидетельствует переписка между ними. Писатель указывал на то, что поприще художника — «живая современная природа человеческая» и рекомендовал художнику «взять себе за образец Гоголя». Предполагая издавать «Охотничий сборник», С. Т. Аксаков вел переговоры с К. А. Трутовским об участии его в иллюстрациях сборника.

В марте 1855 г., во время работы над «Семейной хроникой», С. Т. Аксаков писал художнику: «Теперь только я вполне убедился, что, если душа моя не вполне сочувствует тому, что я пишу, если я не переносюсь душою в тот предмет, о котором мне следует говорить, — я не могу ничего написать, кроме самого пошлого, сухого и безобразного. Ни умом, ни воображением, ни полным зна-

¹ Кондратьев А. Народный учитель. — Знамя коммунизма (Стерлитамак), 1 ноября, 1986.

² Машинский С. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество, с. 128, 129, 256.

³ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 572, 573.

⁴ Трутовский К. А. Воспоминания о Сергее Тимофеевиче Аксакове. — Русский художественный архив, 1892, вып. 2, с. 49.

нием предмета, ни умением владеть красками языка, ничем тут не возьмешь»¹.

Русский художник — жанрист, Константин Александрович Трутовский родился в 1826 году в городе Курске, воспитывался в Николаевском инженерном училище в Петербурге. Окончив в 1845 году училище, стал посещать классы, то есть был вольноприходящим учеником Императорской Академии художеств, учился у Ф. А. Бруни. В 1849 году уехал в Малороссию и занялся исключительно писанием малоросской природы, местных нравов и типов. Из картины этого плодотворного периода можно назвать лучшими следующие: «Хоровод в Малороссии», за которую Трутовский получил в 1861 году звание академика, «Колядки в Малороссии», «Отдых косаря», «Переселенцы», «Сорочинская ярмарка», «Свидание», «Благотетели», «Бандурист» и другие. Его картины в основном собраны в Русском музее и Третьяковской галерее. С 1871 года по 1881 он — инспектор Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Он участвовал на выставках Академии, Общества выставок художественных произведений, Общества русских акварелистов, а также иллюстрировал произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Т. Г. Шевченко, Марко — Вовчек и др.

Лучшие работы художника отличаются «характерностью типов, многочисленностью фигур и оживленностью движения»².

В бытность свою инспектором Московского училища живописи, ваяния и зодчества К. А. Трутовский оказал большое влияние на становление таланта великого русского художника Михаила Васильевича Нестерова. Нестеров сначала учился в Москве в реальном училище Константина Павловича Воскресенского, учился он неважно, но выделялся по рисованию у преподавателя А. П. Дробова. М. В. Нестеров о своей первой встрече с К. А. Трутовским вспоминает так: «В один из уроков рисования у нас появился в классе Константин Павлович и с ним какой-то очень приятный, с седеющими пышными волосами господин. Дробов с ним как-то особо почтительно

¹ Машинский С. Указ. соч., с. 256, 275, 422. Ранее письма С. Т. Аксакова были опубликованы в Русском художественном архиве, 1892, вып. 2, 3—4.

² Новицкий А. Художественная галерея Московского публичного и Румянцевского музеев. Критико-исторический очерк. М., 1889, с. 281; Каталог-путеводитель. Русское и белорусское искусство XVIII — начала XIX века. Л.: Художник РСФСР, 1968, с. 103; Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энци., 1981, с. 582.

поздоровался, а поговорив, все трое направились ко мне. Гость ласково со мной поздоровался и стал внимательно смотреть мой рисунок, хвалил его, поощрял меня больше работать, не подозревая, быть может, что я и так рисованию отдаю время в ущерб остальным занятиям (кроме разве шалостей). Простившись со мной, посмотрев еще два-три рисунка, Константин Павлович и гость ушли.

После занятий я узнал, что это был известный и популярный в те времена художник Константин Александрович Трутовский. Он был инспектором Училища живописи, ваяния и зодчества. Его сын был первым учеником нашего класса.

Посещение Трутовского имело для моей судьбы большое значение. Он утвердил Константина Павловича в мысли, что на меня надо обратить особое внимание и готовить меня на иной путь. Вскоре мне были куплены масляные краски, и я стал под руководством Драбова копировать образ архангела Михаила, работы известного в свое время Скотти. Эта копия подарена была позднее в Сергиевскую церковь в Уфе, где и находится до сих пор¹.

Впоследствии Нестеров перешел к Трутовскому в Московское училище живописи, ваяния и зодчества и окончил его в 1885 году.

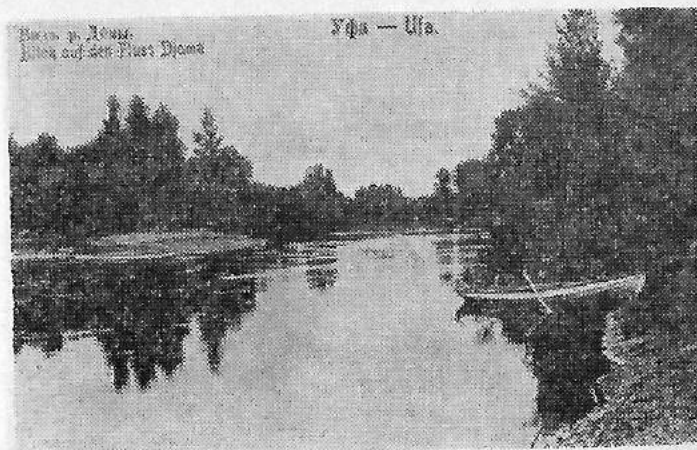
Много лет спустя, в апреле 1928 года, в письме С. Н. Дурылину Нестеров, сообщая о своей недавней поездке в Киев, делился своими впечатлениями: «В прекрасном состоянии Исторический (украинский) музей. Там множество материала для историков, писателей, художников Украины. Заведующий очень озабочен тем, чтобы собрать побольше Трутовского, когда-то столь любимого, а теперь забытого. Это был талант не «репинский», но истинный, он был поэт, он был Шевченко в живописи. И его как-то позабыли, и я рад, что о нем вспомнили»².

В Уфе, в Башкирском Государственном художественном музее им. М. В. Нестерова хранится одна картина К. А. Трутовского «Афросинья» (28 ноября 1891 года).

К. А. Трутовский оставил свои воспоминания о Ф. М. Достоевском. Первая их встреча произошла в 1839 году, когда они оба учились в Главном (Николаевском) инженерном училище в Петербурге. Дружеские отношения поддерживались всю жизнь и последняя встре-

¹ Нестеров М. В. Давние дни. Серия «Золотые родники». Уфа: Башкирское книжное издательство, 1986, с. 50.

² М. В. Нестеров. Из писем. Л.: Искусство, 1968, с. 274, 275.

ча с Достоевским была в Москве на открытии памятника А. С. Пушкину летом 1880 года. В 1847 году художник выполнил портрет Ф. М. Достоевского¹.

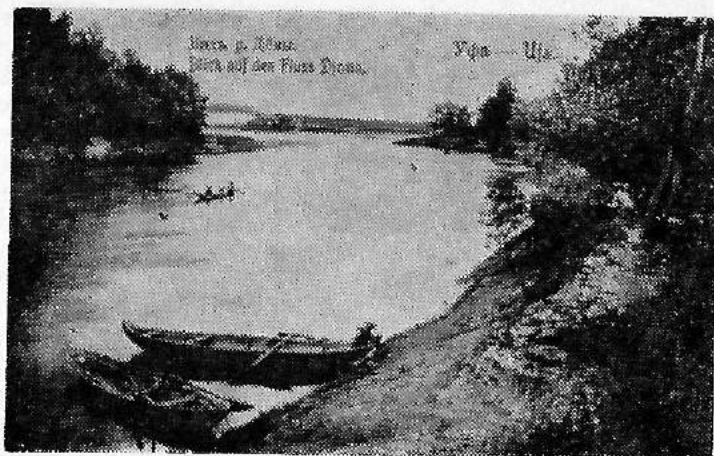
Дочь художника, Вера Константиновна Трутовская (1858—1895) — врач, автор нескольких медицинских работ, которые издавала под псевдонимом «Женщина-врач»².

Сын, Владимир Константинович Трутовский (1862—1930) — известный нумизмат, археолог, искусствовед и хранитель Оружейной палаты в Москве; был секретарем Московского археологического общества, читал курсы русской нумизматики в Московском университете, вел раскопки на Дону и у станицы Цимлянской. Он — автор многочисленных научных трудов. Не упоминая здесь названия этих работ, отсылаем интересующихся к библиографии³. Некоторые свои работы В. К. Трутовский издавал, как и сестра, под псевдонимами (В. К. Т. и Трский В. К.). Они были опубликованы в «Археологических

¹ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. Серия «Литературные мемуары». М.: Художественная литература, 1964, с. 96—97, 105—110.

² Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов, т. 1, 1956, с. 377; т. 4, 1960, с. 476.

³ История исторической науки в СССР, дооктябрьский период. Библиография. М.: Наука, 1965, с. 677. По другим данным, В. К. Трутовский умер в 1932 году. См.: М. В. Нестеров. Из писем, с. 444.

известиях и записках» (1897—1898), в «Этнографическом обзоре» (1890, кн. 1)¹.

Проживая в Москве, В. К. Трутовский был действительным членом Оренбургской ученой архивной комиссии с 1900 года².

М. В. Нестеров, вспоминая о встречах с В. К. Трутовским, писал А. А. Турыгину 23 ноября 1916 года: «...пришлось работать, ежечасно ездю в Оружейную палату. Сегодня писал «шапку Мономаха». В ней позировал мне хранитель Оружейной палаты — Трутовский (сын художника)»³. М. В. Нестеров работал тогда над большой картиной «На Руси».

Несколько слов об отношении М. В. Нестерова к С. Т. Аксакову. Одна из картин художника носит название «Родина Аксакова», 1906 г. (Харьковский музей изобразительного искусства). В письме 1 января 1909 года к сестре, А. В. Нестеровой, в Уфу художник писал о своем согласии с намерением аксаковской комиссии при строительстве Народного дома С. Т. Аксакова в Уфе включить и помещение для его картинной галереи⁴.

¹ Масанов И. Ф. Указ. соч., т. 1, с. 195; т. 3, 1958, с. 158, т. 4, с. 476.

² Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. 35. Оренбург, 1917.

³ М. В. Нестеров. Из писем. Л.: Искусство, 1968, с. 214.

⁴ Там же, с. 450, 189.

АКСАКОВСКАЯ ДЕМА.

Весна, Весна! Ты прелесть года,
Но не в столичной тесноте,
Весна на Деме, где природа
В первообразной чистоте
Гордится девственной красою!
Где темные шумят леса,
Где воды кажут небеса,
Где блещет темной полосой
Под плугом тучная земля,
Цветут роскошные поля! (3; 673).

С. Т. Аксаков

В «Детских годах Багрова-внука» С. Т. Аксаков, вспоминая летнюю дорогу от Уфы до Парашина, т. е. до Надеждино близ города Белебея, так описывает свои первые впечатления о поразившей его красоте природы на реке Деме. «Величавая полноводная Дема, не широкая, но слишком быстрая, с какою-то необыкновенной красотой, тихо и плавно, наравне с берегами, расстилась передо мной. Мелкая и крупная рыба металась беспрепятственно. Сердце так и стучало у меня в груди, и я вздрагивал при каждом всплеске воды, когда щука или жерих выскакивали на поверхность, гоняясь за мелкой рыбкой».

Восторги первого ужения на реке Деме зародили настоящую страсть к рыбной ловле на всю жизнь.

«Я с большим трудом вытащил порядочную плотичку. Я весь дрожал, как в лихорадке, и совершенно не помнил себя от радости... Ужение просто свело меня с ума! Я ни о чем другом не мог ни думать, ни говорить... Удочка, дрожащий и ныряющий наплавок, согнутое от тяжести удилице, рыба, трепещущая на лесе, — приводили меня при одном воспоминании в восторг, в самозабвение» (1; 308, 310, 311).

«Великолепная урема окружала нас. Необыкновенное разнообразие ягодных деревьев и других древесных пород, живописно перемешанных, поражало своей красотой. Толстые, как бревна, черемухи были покрыты уже потемневшими ягодами; кисти рябины и калины начинали краснеть; кусты черной спелой смородины распростирались в воздухе свой ароматический запах; гибкие и цепкие стебли ежевики, покрытые крупными, еще зеле-

¹ Дема — река в Оренбургской губернии, около которой места живописные и самые привольные для житья. (Примеч. Аксакова.)

ными ягодами, обвивались около всего, к чему только прикасались; даже малины было много» (1; 309).

В такой уреме, «кроме черемухи и рябины, много всяких кустов: калины, жимолости, боярышника, тальника, смородины и других. Эти-то уремы особенно мне нравятся. Многие деревья и предпочтительно таловые кусты пронизаны, протканы и живописно обвиты до самого верха цепкими побегам дикого хмеля и обвешаны сначала его зелеными листьями, похожими на виноградные листья, а потом палевыми, золотыми шишками, похожими на виноградные кисти, внутри которых таятся мелкие, круглые, горькие на вкус, хмельные семена. Множество соловьев, варакушек и всяких певчих птичек живет в зеленых, густорастущих кустах такой уремы. Соловьи заглушают всех. День и ночь не умолкают их свисты и раскаты. Садится солнце, и ночники сменяют до утра усталых денных соловьев. Только там при легком шуме бегущей реки, посреди цветущих и зеленеющих деревьев и кустов, теплом и благовонием дышащей ночи, имеют полный смысл и обаятельную силу соловьиные песни» (4; 385).

«...Я с любопытством рассматривал видневшиеся вдалеке летние жилища башкирцев и пасущиеся кругом их стада и табуны. Обо всем этом я слышал от отца, но видел своими глазами в первый раз» (1; 307).

Первое знакомство С. Т. Аксакова с Демой и кочевьями башкир состоялось, когда ему было всего пять лет. Эта экзотика и величие демской природы как будто напоили детскую душу будущего писателя красотой и поэзией.

Открытие прекрасного мира в детские годы породило чувство безграничной любви к своей родине, пронесенное им через все годы своей жизни. В юношеские годы С. Т. Аксаков посвящает своему любимому краю восторженные стихи:

Вот родина моя... Вот дикие пустыни!
Вот благодарная аратаю земля!
Дубовые леса и влажные долины,
И тучной жатвою покрытые поля!
Вот горы до небес чело свое взносящи,
Младые отрасли Рифейских древних гор,
И реки с пеною меж пропастей летящи,
Разливом по лугам пленяющие взор!
Вот окруженные башкирцев кочевьями
Озера светлые, бездонны глубиной,
И кони резвые, несчетны табунами,
В них смотрятся с холмов, любяся собой!

Приветствую тебя, страна благословенна!
Страна обилия и всех земных богатств!
Не вечно будешь ты в презрении забвенна,
Не вечно для одних служить ты будешь паств.

(3; 642)

Описывая свою поездку из Уфы в белебеевское Надеждино, С. Т. Аксаков не дал названий деревень и сел, через которые проходил маршрут. Однако приведенных им замечаний об остановках, ночевках, а также описаний природы и этнографических зарисовок достаточно для того, чтобы точно определить этот маршрут. Добавим, что этим же путем Аксаковы пользовались и в поездках до Нового Аксакова, вблизи Бугуруслана, и далее до своего родового имения Старого Аксакова в Симбирской губернии.

Рассмотрим аксаковское описание маршрута и увяжем его с современным географическим положением.

Переехав через Белую на пароме на Оренбургской переправе и «...отъехав верст пятнадцать, остановились кормить лошадей... в какой-то русской деревушке, которую я очень мало помню» (1; 304). Русская деревушка — это деревня Zubovka, расположенная по правую сторону от Оренбургского тракта, где от последнего отходит проселочная дорога на запад. Деревня Zubovka принадлежала деду писателя — Николаю Семеновичу Zubovu.

Далее С. Т. Аксаков пишет: «Ночевать мы должны были в татарской деревне, но вечер был так хорош, что матери моей захотелось остановиться в поле; итак, у самой околицы своротили мы немного в сторону и расположились на крутом берегу маленькой речки... Место было необыкновенно сухо, никаких болот и даже лесу не находилось поблизости, потому что начиналась уже башкирская степь» (1; 304). Татарская деревня на берегу речки — это, по-видимому, деревня Ибрагимова Чишминского района, расположенная на речке Кизяк, левом притоке реки Уршак.

«На следующий день... проснулся, когда мы уже проехали половину степи, которую нам надобно было перебить поперек и проехать сорок верст, не встретив жилья человеческого». В XIX веке на этом безлюдном участке пути возникло несколько деревень: Никольское, Теперишево и Казангулово.

«Мы остановились и все вышли из кареты, чтоб переделать в ней ночное устройство на дневное. Степь, то есть безлесная и волнообразная бесконечная равнина, окру-

жала нас со всех сторон; кое-где виднелись деревья и синелось что-то вдаль, отец мой сказал, что там течет Дема и что это синее ее гористая сторона, покрытая лесом» (1; 306).

После остановки «стал смотреть в окно, пристально следя за синееющей в стороне далью, которая как будто сближалась с нами и шла пересечь нашу дорогу; которая начала неприметно склоняться под изволок, и кучер Трофим, тряхнув вожжами, весело крикнул: «Эх вы, милые, пошевеливайтесь! Недалеко до Демы!» ...и добрые кони наши побежали крупной рысью. Уже обозначилась зеленеющая долина, по которой текла река, ведя за собою густую, также зеленую урему... Вот уже открылась и река, и множество озер, и прежнее русло Демы, по которому она текла некогда, которое тянулось длинным рукавом и называлось Старицей. Спуск в широкую зеленую долину был крут и косогорист» (1; 307).

Судя по расстоянию от деревни Ибрагимовой и по описанию старицы и спуска к реке, переправа через Дему состоялась у того места, где ныне город Давлеканово.

Дальнейший путь проходил, примерно, параллельно нынешней железной дороге от города Давлеканово до станции Аксаково, несколько севернее ее. Упоминаемая автором безымянная чувашская деревня, в которой была последняя перед деревней Надеждино ночевка, — это деревня Слакбаш Белебеевского района. «Мы не доехали до Парашина пятнадцати верст». — Так описывает свой маршрут С. Т. Аксаков.

Река Дема (по-башкирски и татарски Дём или Дим)¹ берет свое начало на окраине деревни Дема Федоровского района Башкирской АССР и течет на юго-запад около 8 км до границы с Оренбургской областью. Далее проходит по Шарлыкскому и Пономаревскому районам, приняв с правой стороны притоки Большой Узьян и Тяттер, а с левой — Садак с Седяком, и вновь пересекает границу БАССР, попадая в Бижбулякский район, где имеет левый приток Уязы, и далее в Миякинском районе имеет левый приток Менеуз и правый — Мияки. Далее течет по границе Миякинского и Альшеевского районов. Затем течет в Альшеевском районе, где недалеко от рабочего поселка Раевский принимает левый приток Курсак. Далее Дема проходит по Давлекановскому району, имея левый приток Тюлянь, и Чишминскому району, имея левые прито-

¹ БСЭ, т. 21, стб. 205.

ки Удряк, Балышлы и Уза. Затем течет по Уфимскому району и впадает в реку Белую в Уфе.

Современное устье Демы искусственное. Чтобы избежать строительства железнодорожного моста через реку Дему рядом с железнодорожным мостом через реку Белую, русло Демы было перекрыто железнодорожной насыпью, а для отвода самого русла был прорыт искусственный канал до реки Белой длиной около километра. Сейчас сохранились следы бывшего устья Демы, впадавшей до постройки железнодорожного моста в 1888 году значительно ниже по течению реки Белой. Таким образом протяженность реки Демы около Уфы сократилась километров на шесть.

Общая протяженность реки Демы в различных источниках дается по-разному: в Краткой географической энциклопедии — 545 км, в БСЭ — 375, в БСЭ (2-е издание) — 545, в БСЭ (3-е издание) — 535 км, в гидрографическом справочнике¹ на выбор две величины — 434 км по одним данным и 545 — по другим. Такой разницей не может не вызвать удивления, как будто речь идет о какой-то неведомой, или почти неисследованной реке.

Из древних памятников архитектуры на реке Деме следует отметить мавзолей Хусейн-бека, построенный около 1200 г. Мавзолей находится вблизи железнодорожной станции Чишмы при озере Акзират. «Мавзолей имеет красивое местоположение. Он стоит, возвышаясь над широкой поймой реки Демы, которая когда-то протекала у его подножия»².

Река Дема — самый большой левый приток реки Белой.

В нижнем течении реки Демы сложилась курортно-санаторная зона, здесь размещаются детский санаторий в Алкино, курорт Юматово, множество баз отдыха и пионерских лагерей.

Направляется вопрос о необходимости создания в Башкирии на реке Деме национального парка по примеру Эстонии, где можно было бы представить и природные богатства, и древний быт кочевых башкир, и своеобразие их национальной культуры.

«Только в национальном парке в полной мере удастся одновременно сочетать экологическое просветительство, туризм, отдых, лечение и даже рыбалку и спортивную

¹ Справочник по водным ресурсам СССР, т. 12, Л., 1936.

² Калимуллин Б. Г. Архитектурные памятники Башкирии. Уфа, 1956, с. 5.

охоту с охраной природы и научными исследованиями. Специальная администрация следит за целостью «экспонатов», чистотой и порядком в огромном музее под открытым небом» (Комсомольская правда, 14 сентября 1980).

Еще сохранились на Деме участки сравнительно мало заселенные, почти с ненарушенной природной красотой аксаковской уремы. Пока не поздно, необходимо сохранить эти места для будущего национального парка.

Следовало бы также усилить природоохранительный режим и в тех местах низовья реки Демы, где уже в значительном количестве размещены участки коллективных садов и баз отдыха.

Глава XXXVIII

СКАЗОЧНЫЕ ОЗЕРА.

В наш дикий край лечу душою;
В простор степей, во мрак лесов,
Где опоясаны дугою
Башкирских шумных кочевьев,
С их бесконечными стадами —
Озера светлые стоят¹,
Где в их кристалл с холмов глядят
Собравшись кони табунами... (3; 674).

Давая классификацию озер (4; 250), С. Т. Аксаков относит к четвертой группе «озера степные, всегда значительной величины, самые чистые, светлые, красивые, лучшие из всех озер. Без сомненья, они имеют скрытые на дне родники, и весьма сильные, которые вознаграждают убыль, производимую испарением воды во время летних жаров и засух, убыль, которая в них бывает мало заметна... В Оренбургской губернии много таких озер; мне короче знакомы два чудесные озера, находящиеся в недалеком расстоянии одно от другого, в Белебеевском уезде: Кандры и Каратабынь; каждое из них имеет по несколько десятков верст в окружности. Степные озера отличаются невероятною прозрачностью, превосходящею даже прозрачность омутов степных речек; и в последних вода бывает так чиста, что глубина в четыре и пять аршин кажется не глубже двух аршин; но в озерах Кандры и Каратабынь глубина до трех сажен кажется трех- или

¹ Кандры и Каратабынь — прелестные большие и необыкновенно прозрачные озера. (Примеч. С. Т. Аксакова.)

четыреаршинною; далее глубь начинает синеть, дна уже не видно, и на глубине шести или семи сажен все становится страшно темно!.. Прелестные степные луга, оживляемые близостью огромной массы воды, окружают Кандры; глубина в десять сажен находится ближе к одной несколько гористой стороне; посредине озера точно всплыл из воды небольшой, возвышенный, лесистый зеленый островок: приют и место вывода детей для бесчисленных и разнообразных пород чаек. Две противоположные стороны — ровная степь, а четвертая сторона камышиста, и есть признак (длинная протоčina по небольшому долочку), что тут был когда-то проток. Башкирцы сказывали мне, что старики их помнят, когда этим протоком Кандры соединялось с Каратабынью. Нынче и весной нет этого соединения. У башкирцев даже есть какая-то легенда насчет будущего соединения этих озер, но я не мог достать ее... поздней осенью отлетная птица в больших стаях гостит на них короткое время, как будто на прощанье; зато всякая рыба бель водится в степных озерах в изобилии и отличается необыкновенным вкусом» (4; 252).

Любопытные сведения приводит В. И. Даль о крупных озерах равнинной Башкирии: Кандры-куль и Ачулы-куль, «замечательных... по особенному обстоятельству: озера эти прибывают и убывают непостоянно, независимо ни от каких известных и видимых причин. Иногда проходит несколько лет и они стоят спокойно в берегах; иногда в неопределенное время года вдруг начинают оба вместе прибывать и разливаться и снова вместе вливаются в берега свои. Башкиры твердо верят, что каждый разлив Ачулы-куля предвещает бедствие и рассказывают, что лошадь или человек, утонувший в одном из этих озер, всплыл в другом»¹.

Сочетание интересных географических явлений с башкирским поэтическим эпосом о двух озерах Белебеевского уезда вызвало особый интерес к ним у Даля. Публикуя в журнале «Москвитянин» в 1843 г. легенду «Башкирская русалка»², написанную по материалам башкирского фольклора, В. И. Даль вновь возвращается к описанию Аслы-куля и Кандры-куля. Причем фольклорная запись поэтической легенды сопровождается подробным геогра-

¹ Примечание В. И. Даля к кн. Э. А. Эверсманна «Естественная история Оренбургского края», ч. 1. Оренбург, 1840, с. 19.

² Эта легенда напечатана также в сб. Башкирия в русской литературе, т. 1, с. 211—230.

фическим описанием. «Озера Ассулы, или Ачулы, в переводе: открытое, отверстие, бездонное, или, может быть, вернее, сердитое, в самом деле разливается и упадет, прибывает и убывает, не постоянно, не равномерно, без всяких видимых причин... Юго-восточный берег Ассулы за грязным солонцом окаймлен степным увалом, за которым вытекает речка Ачулы-Удряк, одна из трех Удряков, составляющих главный или большой Удряк, впадающий в Дему. Южнее Ачулы-Удряка встречается еще увал, или небольшой гребень, за которым вытекает речка Тюлян, также один из притоков Демы...

У восточной оконечности озера тянется овраг, в который заливается вода, когда озеро в разливе... На северо-западе от Ачулы, верстах в 50 за вершинами речек Чермасана, Чукалы и Нугуша, лежит такое же дивное озеро Кандра, Кандра-куль. На юге от него горы с редким лесом; на западе обрывы и увал каймой; тут же мыс и островок, на котором башкиры пасут лучших коней своих, потому что они здесь в беспечности, даже и без пастуха; на севере — песчаная, кочковатая, поросшая травой покатошь и далее степной кряж уступом; тут же тянется ров, или овраг, от самого озера до лощины реки Нугуша, — и вода течет, во время разлива озера, по этому рукаву; на востоке — мочажина, болотце, и далее холмистый увал. На Кандра-куле стоят три аула, или деревни, все три Кандры; озеро покрыто челноками рыболовов; замечательно, что в Кандра-куле есть сомы, а нет вовсе карасей, а в Ачулы, наоборот сомов нет, а карасей много. От Кандра-куля, на юго-западе, саженях воста, в горах, лежит озерцо Тюменски, а из него течет речка Тимошка и впадает в Кандру»¹.

Легенда «Башкирская русалка» была литературно обработана не только Далем, но и рядом других авторов: Л. Суходольский, С. Г. Султанов, Г. Потанин². Легенда о русалке не единственная. В издававшемся в Уфе журнале «Огни Востока» И. Стариков опубликовал другую башкирскую легенду «Асликуль», в которой рассказан миф о возникновении этого озера. (1926, № 2, с. 9, 10).

Озеро Аслы-куль.

Самое большое озеро в Башкирии. У различных авторов оно известно еще под следующими названиями: Ачу-

¹ Башкирия в русской литературе. Уфа, 1961, т. 1, с. 219, 220.

² Там же, с. 438.

лы-куль и Ассулы (Даль); Асли-куль и Ачлы-куль (гидрографический справочник); Асликуль (Л. Е. Черняева); Ачалы-куль и Аиркуль (В. М. Черемшанский); у С. Т. Аксакова это озеро названо — Каратабынь¹.

Основные морфометрические сведения: высота над уровнем моря — 213 м; длина — 7,9 км, ширина — 8,1 км, площадь 23,6 км², объем — 89,5 млн. м³, средняя глубина — 3,3 м, наибольшая глубина — 7 м, длина береговой линии 20,25 км. Следует отметить, что морфометрические сведения у различных авторов значительно отличаются друг от друга. Так, например, ширина озера в гидрографическом справочнике — 8,1 км, а в книге «Памятники природы Башкирии» — 5 км. Озеро находится в Давлекановском районе Башкирии, в 35 км от г. Давлеканово. Южный берег обрывист и горист, северный — более пологий. Озеро карстового происхождения, оно образовалось на месте гигантского карстового провала, постепенно заполненного водами за счет атмосферных осадков и грунтовых вод. В прошлом на месте озера был лиственный лес, о чем свидетельствуют стволы лиственниц, которые до сих пор сохранились на дне озера. Еще недавно деревья росли на берегу озера около поселка Янги-турмуш. Последнее дерево погибло в 1951 г. В прибрежном болоте Бирказан-камыш (пеликаньи камыши) гнездились пеликаны. После 1914 г. они здесь не встречались. Озеро периодически проточное, на западе в него впадает река Черлама (Шарламы), наполняемая водой весной, летом она высыхает, зимой промерзает. На юге из озера вытекает река Аслы-Удряк, приток реки Демы. На берегу озера находится деревня Купоярово и поселок рыбаков Янги-турмуш. Озера Аслы-куль, так же как и озеро Кандры-куль богато рыбой, но некоторые виды рыбы в этих озерах заражены лигулезом.

Озеро Аслы-куль очень живописно, красивые обрывы и скалы, привлекательные песчаные пляжи. Оно кажется морем из-за своей величины, а в непогоду огромные волны создают шум морского прибоя.

¹ Справочник по водным ресурсам СССР, т. 12, Урал и Южное Приуралье. Л., 1936. Черняева Л. Е. Гидрохимия озер. (Урал и Приуралье.) Л., 1977. Андреева М. А. Озера Среднего и Южного Урала. Челябинск, 1973. Кучеров Е. Ф. Озеро Аслы-куль и его окрестности; и Кучеров Е. Ф. и Кудряшов И. К. Озеро Кандры-куль — обе статьи в кн.: Памятники природы Башкирии. Уфа, 1974, с. 76, 92. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.

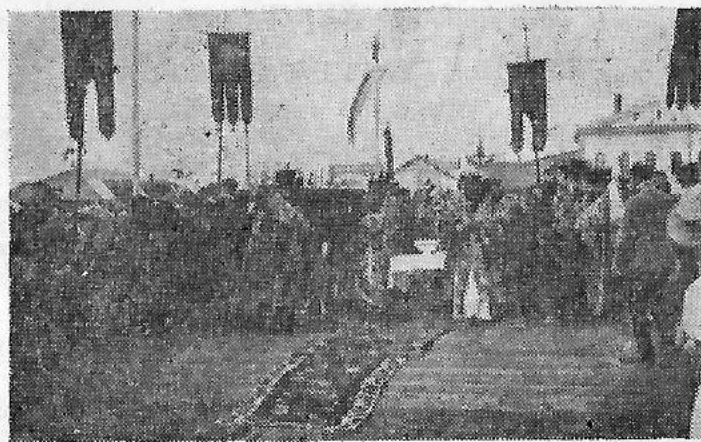

В 1936 году отмечалось, что за последние 60 лет уровень воды в озере Ачулы-куль понизился на 2,5 м. Вода в озере соленая, жесткая, имеет сероводородный запах. Дно песчаное. На западном берегу встречаются грязи, обладающие лечебными свойствами. В 1935 году Постановлением Совета Министров Башкирской АССР об охране памятников природы озеро Аслы-куль, также как и озеро Кандры-куль, включено в список памятников природы, требующих охраны.

Озеро Кандры-куль.

Озеро имеет еще следующие названия: Кандра-куль и Кандры-куль (В. И. Даль), Кандра и Кандры (С. Т. Аксаков).

Основные морфометрические сведения: высота над уровнем моря — 172 м, длина — 4,8 км, ширина — 3,5 км, площадь — 15,6 км², объем — 112,7 млн. м³, средняя глубина — 5 м, наибольшая глубина — 15,5 м, длина береговой линии — 17,6 км. Озеро находится в Туймазинском районе, в шести километрах от железнодорожной станции Кандры. Северный берег низкий с широкой полосой песчаного пляжа, юго-восточный — более возвышенный. В озеро впадают ручей Казган, берущий начало в озере Чирикуль, и многочисленные ключи главным образом по южному возвышенному берегу. (У Даля речка Тимошка вытекает из озера Тюменски.) На берегу озера расположены три деревни: Кандры-Кутуй, Кандры-куль и Кандры-Тюмекеево.

С северной стороны за деревней Кандры-Кутуй видно сухое русло реки Киндык, которая раньше впадала в реку Нугуш, системы реки Большой Ик, вытекая из озера. Озеро стало бессточным из-за изменения уровня воды в нем, который понизился на 3,5 м за последние 80 лет.

На озере имеется небольшой остров Утрау длиной до одного километра, шириной от 300 до 500 метров. (У Даля и Аксакова остров безымянный.)

Озеро карстового происхождения. С трех сторон оно окружено горами: на севере — гора Канар-Казган, на северо-западе — Тулайман, а на юге — Гульбика и Кызыл-тау. Склоны гор обрывисты. В прошлом на месте озера был сосновый лес. Местами на дне озера находили стволы сосен. Вода в озере чистая, прозрачная, пресная.

Живописные высокие берега покрыты смешанным березо-дубово-липовым лесом с культурными посадками сосны. Низкие берега представляют собой заросли тростника и камыша, где водятся утки. На озере в осеннее время бывает много пролетной птицы.

Озеро является любимым местом отдыха круглый год. По живописным берегам его размещаются многочисленные базы отдыха, пионерские лагеря и дома отдыха.

ПРЕДАНИЕ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ.

Со временем не останется доскута нераспаханной степи в Оренбургской губернии... все ее земли удобны, все должны быть населены, и все, написанное мною о степных местах этого чудного края, делается преданьем, рассказом старины (4; 315).

Вернувшись в Оренбургский край в 1811 году, С. Т. Аксаков прожил здесь с небольшими перерывами до 1826 года. «Первые восемь лет я жил в Бугурусланском уезде Оренбургской губернии, что ныне Самарская, а последние пять лет в Белебеевском уезде, который и теперь составляет часть Оренбургской губернии» (4; 50).

Любовь к природе родного края, пристальность изучения животного мира и талантливая изобразительность в описании природы позволили С. Т. Аксакову создать прекрасные произведения об ужении и охоте. Тонкая поразительная наблюдательность позволила автору, как писал «Журнал охоты», «внести огромный запас фактов в науку»¹.

С. И. Машинский охарактеризовал охотничьи книги Аксакова как «явление уникальное в истории русской, а пожалуй, и мировой литературы. Очерки и рассказы о рыбной ловле и ружейной охоте впервые стали фактом «большой литературы, завоевав необычайно широкий круг читателей»².

Литературные достоинства охотничьих книг С. Т. Аксакова были сразу же отмечены современниками. Вот как писал Н. А. Некрасов: «Превосходная книга С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» облетела всю Россию и в короткое время достигла второго издания, — честь, которой в последние годы весьма редко достигали русские книги. Этот успех именно и побудил автора, как он сам говорит, «написать и напечатать все, что он знает о других охотах, которыми некогда горячо занимался. «И за это конечно, поблагодарят его читатели. «Рассказы и Воспоминания» — прекрасная книга, исполненная дельных охотничьих заметок и на-

¹ Машинский С. И. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество, изд. 2-е. М.: Худ. лит., 1973, с. 338.

² Там же, с. 309.

блюдений, живописных картин природы, интересных анекдотов и поэзии»¹.

«Записки оружейного охотника Оренбургской губернии» получили признание как крупное явление искусства. «Свежее и глубокое чувство природы. Степь. Мастерское описание», отмечает П. А. Вяземский².

Тургенев писал об этой книге: «Это настоящая русская речь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая. Ничего нет вычурного и ничего лишнего, ничего напряженного и ничего вялого — свобода и точность выражения одинаково замечательна. Эта книга написана охотно и охотно читается» (4; 631, 632).

Тургенев о рассказе «Охота с ястребом за перепелками» писал С. Т. Аксакову, что рассказ «не прочел, а проглотил целиком», и добавил: «это превосходная вещь» и написана славным русским языком, которым вы один владеете»³.

Этот рассказ был восторженно оценен и Чернышевским: «Что может быть живописнее этого описания! А глупые тетерева, утки, дупеля, вальдшнепы, гаршнепы и им подобные и не подозревают, что судьба наделила их таким историком, как г. Аксаков; не подозревают, что в описаниях г. Аксакова они лучше, красивей и вкуснее, нежели на самом деле. Какой-нибудь дрянной ястреб, способный напугать одних воробьев, доставляет нам столько удовольствий, и все потому, что его описывает г. Аксаков»⁴.

С огромным уважением к «Запискам ружейного охотника Оренбургского края» относились и последующие поколения русских ученых. Выдающийся орнитолог Модест Богданов называл имя автора рядом с именами Э. А. Эверсмана и Н. А. Северцева. «Натуралист-самоучка, наблюдатель животной жизни без всякой научной подготовки, — писал М. Богданов, — С. Т. Аксаков оставил нам в своих «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» драгоценные материалы для истории жизни некоторых форм, — материалы, к которым не раз еще обратятся русские орнитологи»⁵.

Но оставим специалистам определять естественнонаучную значимость произведений С. Т. Аксакова. Обратим

¹ Машинский С. И. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество, изд. 2-е. М.: Худ. лит., 1973, с. 349.

² Там же, с. 331.

³ Там же, с. 350.

⁴ Там же, с. 347.

⁵ Там же, с. 342.

свое внимание на благоухающие с экзотическими башкирскими кочевьями, обильные зверьем и дичью, веками не паханные ковыльные оренбургские степи, какими их наблюдал, изучал и описал С. Т. Аксаков.

«Такие степные места... бывают чудно хороши весной своею роскошною, свежелою растительностью. Сочными, пышными, высокими травами и цветами покрыта их черноземная почва, особенно по долинам и равнинам между перелесками... Особенным ароматом наполняют они воздух, и кто не ночевывал летом в наших степях, на покостях горных кряжей, тот не может иметь понятия о благоарастворенном, мягком живительном их воздухе, который здоровее даже лесного. Целебные качества степных трав и степного воздуха очевидно доказываются удивительным восстановлением телесных сил кочевых башкирцев... На восходе солнца, когда ночной туман садится благодатною росой на землю, когда все запахи цветов и растений дышат сильнее, благовоннее — невыразимо очаровательно прелесть весеннего утра в степи... Все полно жизни, свежо, ярко, молодо и весело!..

Осенью ковыльные степи совершенно изменяются и получают свой особенный, ни с чем не схожий, чудный вид: выросшие во всю свою длину и вполне распушившиеся перлово-сизые волокна ковыля при легком дуновении ветерка уже колеблются и струятся мелкою, слегка серебристою зыбью. Но сильный ветер, безгранично властвуя степью, склоняет до пожелтевших корней слабые, гибкие кусты ковыля, треплет их, хлещет, рассыпает направо и налево, бьет об увядшую землю, несет по своему направлению, и взору представляется необозримое пространство, все волнующееся и все как будто текущее в одну сторону...

Необходимая принадлежность степей Оренбургского края с весны до поздней осени — башкирские кочи, с их многочисленными стадами мелкого скота и конскими табунами...

В степях водятся звери и разные зверьки: белесоватая степная лиса... зайцы, русаки и тумак... хорьки и горностан... В отрогах водятся волки, изредка и барсуки...

В некоторых, более лесных уездах Оренбургской губернии, где растут породы смолистых деревьев, водятся олени, рыси и росомахи; в гористых местах — дикие козы, а в камышах и камышистых урмах по Уралу — кабань...» (4; 306—314, 382).

МУЗЕЙ С. Т. АКСАКОВА В УФЕ.

История создания музея С. Т. Аксакова уже насчитывает три четверти века. Возможно, что первыми экспонатами, предназначаемыми специально для этого музея, были два письма С. Т. Аксакова к Е. И. Барановскому от 9 июня 1856 и 30 января 1859 гг., посланные адресатом для помещения их в аксаковском музее уфимскому губернатору А. С. Ключареву с сопроводительным письмом 21 апреля 1909 года. Подлинники писем С. Т. Аксакова и Е. И. Барановского не сохранились. Текст их известен, так как был опубликован в местной газете¹, но остался вне поля зрения литературоведов, как это нередко случается, особенно при газетных публикациях, в результате несовершенства библиографической работы.

В дальнейшем к идее организации аксаковского музея вернулись уже много лет спустя, имея в виду использовать для этой цели сохранившийся в Уфе по улице Благоева, 4, дом деда С. Т. Аксакова — Николая Семеновича Зубова, в котором прошло детство писателя. Уфимский краевед П. Ф. Ищериков время постройки этого дома относит к середине XVIII века. За двухвековое существование дом многократно переходил от одного владельца к другому. Известно лишь, что последними из них были А. С. Листовский, а затем Е. К. Харитонов. Впоследствии в этом доме размещался кожно-венерологический диспансер.

Постановлением Совета Министров БАСССР от 9 января 1953 года № 9 было решено установить на здании мемориальную доску в память С. Т. Аксакова.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 24 мая 1966 года № 473 было предложено до 1970 года изменить характер использования данного здания, в связи с чем приказом Министерства культуры РСФСР от 29 июля 1966 года № 604 была установлена необходимость изменения режима эксплуатации этого дома. Но с началом новой застройки квартала возникла угроза сноса дома на улице Благоева, в связи с чем 14 июля 1966 года в газете «Советская Башкирия» была опубликована статья «Дом Аксакова?», в которой отстаивалась необходимость сохранения этого дома².

¹ Уфимский край, 1909, 1 июня.

² Автор статьи Г. Ф. Гудков.

Дело в том, что ко времени опубликования статьи Уфа уже лишилась нескольких ценных памятников культуры. Среди них — древнейший в Башкирии архитектурно-исторический памятник — Троицкая церковь¹ постройки начала XVII века. Подвал колокольни этой церкви служил местом заключения виднейших участников Крестьянской войны 1773—1775 гг. Салавата Юлаева, его отца Юлая Азналина, пугачевских «полковников» Чики Зарубина и Губанова.

Названная же выше статья появилась в связи с тем, что угроза сноса нависла над домом по улице Благоева, 4, где установлена мемориальная доска в память о землякенисателе С. Т. Аксакове. Институт «Башкирграждан-проект» предложил реконструкцию квартала со сносом всех строений, даже не позаботившись о получении необходимого в этом случае решения правительства о сносе памятника культуры, каким является дом, где жил С. Т. Аксаков.

Уфимский горисполком в письме от 25 февраля 1966 г. № 21 сообщил Совету Министров Башкирской АССР о том, что дом Аксакова подлежит сносу в 1967 году по плану застройки квартала. Совет Министров республики запросил Уфимский институт истории, языка и литературы Академии наук СССР.

В ответе на запрос Совета Министров Башкирской АССР от 20 апреля 1967 года институт писал: «Установленная ныне мемориальная доска лишь символически и весьма приблизительно обозначает то место, где когда-то стоял дом Аксакова». Утверждалось это на том основании, что, во-первых, дом Аксакова сгорел якобы еще в 1821 году; во-вторых, дом, описанный писателем в произведении «Детские годы Багрова-внука» и существующий ныне дом по улице Благоева, 4, «даже отдаленно не похожи друг на друга», и, в-третьих, дом, подлежащий сносу, по утверждению старожилов, построен в XX веке.

Однако сотрудники института, готовившие ответ, на наш взгляд, недостаточно внимательно отнеслись к текстам произведений С. Т. Аксакова. Они писали: «Дом, в котором родился и провел детские годы русский писатель С. Т. Аксаков, сгорел еще в прошлом веке. Это подтверждается литературными источниками. Так, в некрологе «Сергей Тимофеевич Аксаков», помещенном в «Оренбургских Губернских ведомостях» 20 июня 1859 года,

говорится о поминках, устроенных живущими в Уфе казанскими студентами. По окончании панихиды они решили посетить место, где был некогда в Уфе дом Аксаковых и где родился Сергей Тимофеевич. «И вот студенты приехали к тому месту, где, «по сказанию старожилов уфимских, был дом, принадлежавший родителям Сергея Тимофеевича, в котором они жили несколько лет после брака». В этом же некрологе читаем: «Место это и уже другой на нем дом, построенный вместо старого аксаковского, сгоревшего в пожар 1821 года, принадлежит ныне полковнику Краевскому».

Но обратимся к произведениям Аксакова.

В «Семейной хронике» автор сообщает, что вскоре после свадьбы родителей, состоявшейся 10 мая 1788 года, они переехали из дома деда (Н. Ф. Зубова) в свой собственный, купленный у Веселовских в Голубиной слободке... В этом доме у них родилась дочь, вскоре умершая, и сын, С. Т. Аксаков, (20 сентября 1791 г.). Старик Зубов умер незадолго перед рождением своего внука Сергея. В «Семейной хронике», заканчивающейся сообщением о рождении внука, т. е. самого автора, еще не упоминается о возвращении родителей в дом деда (1; 185, 246, 250, 255, 259, 267, 268, 276).

О переезде в дом деда писатель вспоминает только в «Детских годах Багрова-внука», в то время, когда он описывает себя уже умеющим читать, т. е. четырех лет (1; 295, 296). Таким образом, ссылка института на материал, опубликованный в некрологе 20 июня 1859 года, никакого отношения не имеет к зубовскому дому, где сейчас установлена мемориальная доска. Студенты в 1859 году посетили место, где С. Т. Аксаков родился и жил до четырехлетнего возраста, т. е. усадьбу в Голубиной слободке, и не нашли этого дома, действительно сгоревшего в 1821 году.

Из всего сказанного видно, что мнение сотрудников института о том, что дом по улице Благоева, 4, даже отдаленно не напоминает дома Зубова — было необоснованным. Правда, надпись на мемориальной доске, установленной сейчас на доме Аксакова, к сожалению, ошибочно утверждает, что писатель жил здесь с 1791 года, тогда как в действительности он жил лишь с 1795 года, с четырехлетнего возраста.

«Но заглянем в описание этого дома самим Аксаковым, и мы убедимся, что этот дом отвечает всем основным признакам, отмеченным автором: во-первых, дом производит впечатление «громады» — длина по улице

¹ Воронин Н. и др. В защиту памятников культуры. — Литературная газета, 1956, 23 августа.

Благоева — 44 метра, по улице Салавата — 22 метра; во-вторых, дом стоит на косогоре, окна на северо-запад «низкие», возвышаются над землей на 40 см, а на юго-восток — на 250 см; в-третьих, с юго-восточного угла, где могли быть сени и крыльцо, «видна река Белая почти во всю свою ширину»; в-четвертых, в доме и сейчас имеются «длинные сени, служащие коридором». (См. у Аксакова с. 295 и 296). За прошедшие 170 лет, безусловно, у дома неоднократно менялся хозяин, он подвергался переделкам. Вырублен был сад, о котором упоминал Аксаков. Дробился и земельный участок: так во время второй городской переписи населения в 1879 году на усадьбе было два дома одного хозяина — А. Листовского. (Гурвич Н. А. Справочная книжка Уфимской губернии, Уфа, 1883.) А в 1908 году угловой дом уже принадлежал другому хозяину — Харитоновой Е. К. (Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1908, с. 24.) При осмотре восточной стороны крыла дома, выходящего на улицу Салавата, под обшивкой мы обнаружили обгоревшие венцы сруба и дверной проем, переделанный в оконный. Несомненно, с этой стороны дом имел пристройку, сгоревшую при пожаре. Возможно, что раньше здесь были сени с крыльцом, насчитывающим «более 25 ступенек»...

В настоящее время квартал вблизи дома Аксакова уже почти застроен, старый дом новым зданиям не мешает, разве что нарушает архитектурный ансамбль. Однако необходимо согласиться, что ради сохранения исторического памятника, являющегося одновременно и архитектурным образчиком деревянного зодчества прошлого, можно пойти на некоторое нарушение ансамбля...

Тогда же, в 1966 году, в защиту дома выступил и председатель Башкирского республиканского общества охраны памятников истории и культуры Р. Г. Кузеев, который в беседе с корреспондентом газеты¹ заявил: «...в Уфе в районе парка Салавата Юлаева идет большое жилищное строительство, однако архитекторы совершенно не позаботились о том, чтобы естественно и красиво вписать в новый ансамбль находящийся здесь дом, в котором жил замечательный русский писатель, наш земляк С. Т. Аксаков. Дом, видимо, предназначен к сносу, и поэтому охранная зона грубо нарушена».

Прошел 1967 год, дом был спасен от сноса. Однако вскоре над ним возникла новая угроза — переноса на новое место, в близлежащий сад им. Н. К. Крупской на

¹ Ленинец, 1966, 27 октября.

Случевской горе. С таким решением вопроса также нельзя было согласиться, и не только потому, что это требовало бы вырубку деревьев, посаженных при закладке сада в начале 1900-х годов. Дом по улице Благоева был «топографически» привязан к своему месту. Значение этого дома как исторического памятника культуры заключалось не только в том, что в нем проживал в детские годы С. Т. Аксаков. Дом был описан Аксаковым на фоне определенного рельефа местности («косогор», «вид реки Белой») и всякое изменение его местоположения нанесло бы моральный ущерб ему как памятнику культуры¹.

В 1974 году корреспондент «Правды» Н. Уткин сообщил о начале реставрации дома, где прошли детские годы С. Т. Аксакова: «В этом деревянном здании на ул. Благоева создается музей певца русской природы»².

Реставрация, а точнее ремонт, закончилась. Однако в освобожденном помещении была размещена библиотека Обкома профсоюза работников просвещения.

Постановлением Совета Министров БАССР от 10 ноября 1978 года № 566 было принято решение об организации с 1 октября 1978 года музея Аксакова в доме по улице Благоева, 4. Соответствующие штатные единицы были выделены Башкирскому краеведческому музею.

Однако музей С. Т. Аксакова до сего времени не открыт.

Длительное время библиотека не освобождала комнаты мезонина дома, где предполагалось разместить мемориал С. Т. Аксакова. Когда же помещение было освобождено, то возникла необходимость произвести ремонт.

В настоящее время музеем проделана большая работа по созданию аксаковских экспозиций и размещению их в мезонине зубовского дома по улице Благоева, 4.

Мы закончим очерк об аксаковском музее публикацией хранящихся у нас воспоминаний двух уфимских старожилов, воспоминаний, которые, по нашему мнению, окончательно устраняют какое-либо сомнение в проживании С. Т. Аксакова в доме по улице Благоева, 4.

Вот что пишет Н. А. Вишнякова: «Я родилась 21 ноября 1903 года в гор. Петербурге в семье юриста. В 1917 году осенью моя мать с детьми переехала в Уфу и поселилась в доме Харитоновых, в северном крыле его. Примерно через год после нашего приезда приехала из

¹ Уразбаев Б. О памятниках и памяти. — Ленинец, 1972, 19 февраля.

² Уткин Н. Здесь жил С. Т. Аксаков. — Правда, 1974, 25 февраля.

Петрограда вдова Харитоновна, Марья Константиновна¹, старушка лет 75—80. Однажды я ей задала вопрос: «Почему в их доме, выглядевшем обновленным, сохранился в ветхом состоянии балкон, выходящий на восток (ниже балкона была терраса, тоже выглядевшая новой).» Харитоновна ответила: «С этого балкона любовался ледоходом на реке Белой Аксаков С. Т.».

Приблизительно через год Харитоновна во время прогулки во дворе сама обратилась ко мне и сказала, что в этом доме жил С. Т. Аксаков. Далее она рассказывала о переходе дома Аксакова из одних рук в другие, но подробности я не запомнила. Прилагаю схему — чертеж усадьбы Харитоновых с нанесением построек, бывших в то время в ней.

г. Уфа, 7 августа, 1966 г.

Воспоминание написала в связи с заметкой в «Советской Башкирии» от 14 июля 1966 г. о доме Аксакова.

Вишнякова Наталья Александровна».

А вот другое воспоминание: «По рассказам моего отца, Ф. О. Степанова, уроженца и жителя Уфы (1849—1919 гг.), дом, в котором жил в детстве С. Т. Аксаков, — это дом Листовского, на углу улицы Бельской и Случевского пер.² Так говорил отец, так же об этом говорили и другие старожилы. Из школьных лет помню, когда отмечался Аксаковский юбилей в 1909 году (пятидесятилетие со дня смерти), то после концерта в саду Виднеева³ организаторы юбилея предлагали публике посетить этот дом.

Л. Ф. Еникеева, урожденная Степанова, быв. преподаватель Башкирского медицинского института, в настоящее время пенсионер, 1894 г. рождения.

Адрес: г. Уфа, ул. Павлуновского, 7, 11 августа 1966 г.»

В первой нашей книге о С. Т. Аксакове без согласия, конечно, авторов на с. 170 сообщалось: «От издательства: в октябре 1981 г. состоялось открытие музея С. Т. Аксакова».

¹ Ошибка: Харитонову звали Еленой Константиновной. Ее муж, Петр Алексеевич Харитонов — гофмейстер, сенатор и государственный контролер — авт.

² Улица Бельская в настоящее время называется улицей Салавата, а Случевский переулок — улицей Благова — авт.

³ Виднеевский сад — ныне сад им. С. Т. Аксакова — авт.

Книга была подписана к печати 21 сентября 1981 г. и к концу месяца часть тиража была готова. Странно было читать в сентябре о том, что произошло в октябре того же года. Так «машина времени» стала действовать по воле издательства уже не в научной фантастике, а в реальной жизни.

В действительности же музей не открыт до сих пор. И хотя в октябре 1986 г. небольшая экспозиция, размещенная в мезонине здания, была готова к показу посетителям, но удобно пройти туда можно было лишь через помещение библиотеки. Очень долго библиотека не освобождала это здание и потому были затруднены обследования, необходимые для разработки проекта реставрации.

Летом 1986 г. над зданием музея возникла новая угроза, о чем сообщали статьи в местной печати¹. Появилось два предложения, ставившие существование здания, как памятника культуры, под угрозу.

Первое предложение — сохранить только часть дома, его правое крыло, а так называемый пристрой, а точнее — левую часть дома снести, чтобы развести на этом месте сад. Отметим, что левая часть дома существовала и во времена детства С. Т. Аксакова, что видно из его описания дома. Весьма возможно, что все здание целиком, и правая и левая части его, возводилось одновременно, так что правильнее говорить не о пристрое, а о левой части здания, отделенной вестибюлем с лестницей от его правой части.

Беда, однако, не в самих предложениях, а в отношении к ним со стороны заместителя Председателя Совета Министров Башкирской АССР В. Х. Байтуриной, занимающей также пост председателя Башкирского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Зачем понадобилось вообще созывать при себе совещание для рассмотрения этих вопросов при наличии уже утвержденного проекта реконструкции? Кому понадобилось состав приглашаемых на совещание подобрать так, чтобы облегчить принятие этих предложений?

Писатель М. А. Чванов пишет:

«Звоню ответственному товарищу:

— Сегодня у вас заседание по дому-музею Аксакова.

Когда начинаете?

¹ Агишева Гузель. «В наш край лечу душою...» Какая участь ожидает Дом-музей С. Т. Аксакова? — Ленинец, 24 июня 1986; Чванов Михаил. Бережно донести до потомков. О судьбе дома С. Т. Аксакова. — Советская Башкирия, 23 июля 1986.

— Вы не можете на нем присутствовать.
— Почему?
— Рассматриваются чисто строительные вопросы. Вам это неинтересно.

— Но мне кажется, что это вопрос прежде всего нравственный. Ну, а потом, позвольте мне самому решать, что мне интересно, а что — нет.

— Вас нет в списке приглашенных и вы не можете присутствовать.

Вот те раз! Писателю, автору многих статей и книги об Аксакове, члену комиссии правления Союза писателей Башкирии по подготовке юбилея С. Т. Аксакова, члену совета по организации музея попасть на заседание по вопросу его реставрации, оказывается, нельзя.

Только после звонка заместителя Председателя Совета Министров БАССР В. Х. Байтуриной разрешение было получено. Кстати, с еще большей резкостью было отказано присутствовать на заседании корреспондентам газет «Вечерняя Уфа» и «Ленинец». С каких это пор вопросы организации музеев стали запретными для прессы?

И, поразительно, не были приглашены на заседание ни председатель республиканского комитета по делам строительства и архитектуры, ни директор Башкирского объединенного музея, ни заведующая будущим музеем С. Т. Аксакова, ни представители правления Союза писателей БАССР. Заместитель председателя республиканского отделения ВООПИК пришел на него тоже без приглашения. Действительно, на заседание были приглашены одни строители, и они смотрели на предстоящую работу не

как на осторожную реставрацию, а как на снос старого дома и на возведение на его месте нового.

И многое было странно на этом заседании. Как о вопросе давно решенном, говорили о сносе пристрой, хотя я знал, что противоположного мнения придерживаются все, кто до этого так или иначе участвовал в обсуждении судьбы аксаковского дома, начиная с министра культуры и председателя Госстроя, кончая краеведами и реставраторами.

— Почему же все-таки решено снести пристрой? — не выдержав, спросил я на заседании.

— А потому что он мешает формировать зеленую зону будущего музея, — уклончиво ответили мне. — Ведь вокруг дома Аксакова раньше был сад.

Убийственная логика: в свое время стеснить до предела дом пятиэтажками, а теперь под предлогом восстановления сада, снести половину аксаковского дома...

Да в некоторых случаях идут на создание копии, когда дом восстанавливают из ничего, по чертежам...

Человек, любящий Аксакова... не будет разрушать его дом, разрывать его напополам, а сделает все возможное, чтобы спасти его и бережно донести до потомков¹.

Итак, писателя М. А. Чванова не включили в число приглашенных на совещание, где решалась судьба дома-музея, по той причине, что он не строитель. Нас, авторов, также не пригласили, быть может, по причине, что оба они — инженеры-строители?

В печати ответа на обе статьи так и не последовало.

В последующие годы уточнялся проект реставрации, а с 1988 года начались строительные работы, которые, надо плагать, будут завершены до юбилея.

Руководство Министерства культуры Башкирии в лице министра С. Х. Аминева и заместителя министра С. А. Анисимовой уделяет большое внимание созданию музея С. Т. Аксакова и благоустройству других аксаковских мест.

Работу по сбору экспонатов для музея уже несколько лет успешно проводит Э. Д. Терегулова. Т. Е. Замятина занимается составлением информационно-справочной картотеки.

Реставрация дома-музея осуществляется по проекту архитектора В. М. Хатмуллиной Уфимской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской.

¹ Чванов Михаил. Бережно донести до потомков. О судьбе дома С. Т. Аксакова. — Советская Башкирия, 23 июля 1986 г.

Приложение

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ АКСАКОВ

Казанские студенты, живущие в Уфе, единодушно согласились помолиться за упокой всем им родной души первого студента Казанского университета С. Т. Аксакова. Для этого 13 июня, в субботу, собрались они в одной из церквей Уфимских, где после заупокойной обедни отправлена была и панихида по усопшем. Немногочисленная была эта группа, молившаяся за упокой души «боярина Сергия»; зато тем более походила она на осиротевшую семью, и тем более веяло от небольшой семьи этой истинным чувством скорби, при слушании ею надгробного пения. Но и в этом, небольшом кружке ка-

занских студентов, состоявшем из 21 человека, явились студенты Казанского университета различных выпусков: тут был и студент 1819 г. и только что приехавшие из Казани студенты выпуска 1859 г. и нынешние студенты университета; все они соединились здесь в одно чувство, в одну мысль и в одну скорбь о далекой по расстоянию, но близкой по сердцу каждому из них могиле. И не одни студенты Казанского университета молились в Уфе 13 июня за упокой души Сергея Тимофеевича: тут были и родственники его, тут были и не многие друзья его,

¹ Печатается по тексту книги: Выбор статей из Оренбургских губернских ведомостей за 1859 г., Уфа.

имевшие счастье знать его лично и вообще тут были все, которым внятно было слово русского человека и которым жизненный холод не мешал чувствовать всю теплоту души Сергея Тимофеевича, так благодатно веющую на каждого от всех его произведений, от всей его, так честно совершенной жизни. А жизнь эта, как известно, получила свое начало в Уфе. Да! Уфа родина С. Т. Здесь провел он детские годы свои, и потом в Оренбургской губернии провел он лучшие годы своей молодости. И если каждый человек непременно носит на себе более или менее отпечаток своей родины, то тем несомненное и очевиднее отразилось на впечатлительной душе С. Т. влияние обаятельной, девственной природы оренбургской, которую он всецело умел воспринять в себя и было одною из причин, побуждающих С. Т. к его художественному творчеству. Это-то, быть может, умение, — так тесно сжиться с нестареющей никогда природой, сохранило в нем до самой могилы всю живость юношеского воображения, всю силу зрелого разума, всю ясность мысли, одним словом, сделало его «нестареющим сердцем», как прекрасно выразился Русский Дневник в воспоминании о С. Т.-че.

По окончании панихиды, кому-то из поминавших С. Т. пришла мысль посетить то место, где был некогда в Уфе дом Аксаковых и где родился С. Т.-ч. С благодарностью принята была эта мысль и все, бывшие в церкви, отправились в Голубиную слободку, где действительно, по сказанию старожилов уфимских, был дом, принадлежавший родителям С. Т.-ча, в котором они жили несколько лет после брака. Место это и уже другой на нем дом, построенный вместо старого аксаковского, сгоревшего в пожар в 1821 году, принадлежит ныне полковнику Краевскому. Но огромный сад при доме, заключающий в себе более 2-х десятин земли, с его старыми, чуть не столетними деревьями, несомненно говорят нам, что здесь-то провел свое первое детство С. Т.-ч. Особенно приковала к себе внимание всех более чем столетняя липа, величаво осеняющая один из флигелей, принадлежавших к нынешнему, тоже уже старому и запустелому дому. Невольно рисовалось давно прошедшее, рисовался и малютка, играющий в тени этой липы, быть может, в такой же жаркий день, каким был день 13-го июня. Находившиеся в саду, заброшенные и покрывшиеся зеленью пруды, навели некоторых на мысль, что, может быть, пруды эти, бывшие тогда чистыми и светлыми, впервые поселили в ребенке страсть к ужению. Много тут перерисовалось,

Удивительная женщина
Аксаков

передумалось, но более всего переживалось всеми, и никому не хотелось уйти из этого запустелого и заглохшего сада. Так было хорошо тогда в нем; столько жизни было тогда в этом окружающем заустении. Кто-то из присутствующих сказал: «не умер Сергей Тимофеевич; ежели б он умер, так как умирает большая часть людей, разве бы мы собрались сюда, разве бы нам было так хорошо здесь. Нет! Он живет в нас». Действительно, не умирают в памяти людей личности и для себя и для других. Мир праху твоему, отошедший в иной мир, собрат наш! мир праху твоему, наш первый студент Казанского университета.

Колотил
Молова
Молова
Молова

Мария Николаевна Аксакова (мать писателя).
Неизвестный художник первой половины XIX в.

С. Т. Аксаков.
Акварель неизвестного художника. 1830 годы.

С. Т. Аксаков.
Акварель неизвестного художника. 1835 г.

Ольга Семеновна Аксакова (жена писателя).
Акварель неизвестного художника. 1840-е годы.

Надежда Тимофеевна Карташевская (сестра писателя).
Неизвестный художник первой половины XIX в.

Григорий Иванович Карташевский.
Неизвестный художник первой половины XIX в.

К. С. Аксаков. Литография П. Ф. Бореля.

И. С. Аксаков. Литография П. Ф. Бореля.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ В ТЕКСТЕ

- Герб рода Аксаковых. Фото Р. З. Каримова, с. 21
Озеро Кишки близ г. Уфы. Фото Р. З. Каримова, 1979, с. 43
Памятник С. Т. Аксакову у Аксаковского народного дома в Уфе.
Фото Р. З. Каримова, 1989, с. 50
Дом Аксаковых в с. Новоаксаково Оренбургской области. Эскиз худ.
Р. Хайретдинова по рисунку Николая Геннадиевича Хлебникова
(г. Оренбург). Дом снесен в 1962 г. (Солоухин В. А. «Аксаков-
ские места», Москва, 1976, № 8, с. 180—201). с. 58
Дом Аксаковых в Уфе. Фасад по ул. Благоева. Фото Р. З. Каримова, с. 64
Портрет А. И. Герцена. Н. Н. Ге. Фото Р. З. Каримова, с. 136.
Дом Аксаковых в Уфе. Фасад по ул. Салавата Юлаева. Фото
Р. З. Каримова, с. 145
Озеро в саду им. С. Т. Аксакова в Уфе. Фото Р. З. Каримова,
1989, с. 151
Вид улицы И. С. Аксакова в Софии. Фоторепродукция Р. З. Каримова, с. 178
Главный усадебный дом Аксаковых в Абрамцево Московской обл.
Фото Р. З. Каримова, с. 204
Усадьба С. Т. Аксакова в с. Надеждино Белебеевского района БССР
(здание не сохранилось). Фото Р. З. Каримова, с. 208
Дмитриевская церковь в с. Надеждино. Фото Р. З. Каримова, 1979,
с. 212
Место, где была мельница на р. Сиушке в с. Надеждино. Фото
Р. З. Каримова, 1979, с. 226
Памятник С. Т. Аксакову в кумысолечебном санатории им. С. Т. Аксакова в Башкирской АССР. Фото Р. З. Каримова, 1979, с. 239
Центр с. Аксаково Бугурусланского района Оренбургской обл. Фото
получено от Н. А. Лошкаревой, 1984, с. 252
Памятник С. Т. Аксакову в с. Аксаково. Фото получено от
Н. А. Лошкаревой, с. 290
Река Бугуруслан в с. Аксаково. Фото получено от Н. А. Лошкаревой, с. 298
Липовая аллея в с. Аксаково. Фото от Н. А. Лошкаревой, с. 298
Мавзолей Хусейн-бека на р. Деме в Башкирской АССР, 1978. Фото
Р. З. Каримова, с. 337
Виды реки Демы. Фото Р. З. Каримова, с. 347, 348
Закладка Аксаковского народного дома в Уфе 14 сент. 1909 г.
Фото Р. З. Каримова, с. 358, 359
Аксаковский народный дом в Уфе. Фасад по ул. Ленина. Ныне
в этой части здания размещается Башкирский Государственный
театр оперы и балета. Фото Р. З. Каримова. 1981, с. 370
С. Т. Аксаков. Портрет И. Н. Крамского. Фото Р. З. Каримова, с. 372

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Княжевичи	10
Глава II. Г. С. Винский	15
Глава III. П. И. Чичагов	22
Глава IV. Мертваго	26
Глава V. Аничковы	44
Глава VI. Н. И. Мирзаханов	49
Глава VII. Мисайловы	51
Глава VIII. Зубовы	65
Глава IX. Бунины	73
Глава X. Евсенич	83
Глава XI. Братья и сестры С. Т. Аксакова	91
Глава XII. Потомки С. Т. Аксакова	101
Глава XIII. И. С. Аксаков	130
Глава XIV. К. С. Аксаков	146
Глава XV. А. М. Бутлеров	154
Глава XVI. Глушилины	163
Глава XVII. Кротковы	168
Глава XVIII. Булгаковы	179
Глава XIX. Романовские	185
Глава XX. Дурасовы	191
Глава XXI. Мансуровы	204
Глава XXII. Э. А. Эверсманн	209
Глава XXIII. Е. И. Барановский	213
Глава XXIV. А. Ф. Ланжерон	228
Глава XXV. Л. Н. Энгельгардт	232
Глава XXVI. С. К. Вязмитинов	236
Глава XXVII. М. А. Наврозов	240
Глава XXVIII. Д. Е. Бенардаки	242
Глава XXIX. Тимашевы	256
Глава XXX. Тевкелевы	273
Глава XXXI. Алкины	291
Глава XXXII. Пекарские	300
Глава XXXIII. Глазовы	311
Глава XXXIV. Шишковы	315
Глава XXXV. Маркевичи	338
Глава XXXVI. К. А. Трутовский	344
Глава XXXVII. Аксаковская Дема	349
Глава XXXVIII. Сказочные озера	354
Глава XXXIX. Преданье старины глубокой	360
Глава XXXX. Музей С. Т. Аксакова в Уфе	363
Приложение: «Сергей Тимофеевич Аксаков»	372
Список иллюстраций	383

Гудков Георгий Федорович
Гудкова Зинаида Ивановна

С. Т. АКСАКОВ
СЕМЬЯ И ОКРУЖЕНИЕ

красневческие очерки

Редактор Ю. Андрианов
Оформление Р. Хайретдинова
Художественный редактор У. Масалимов
Технический редактор Н. Зарипова
Корректоры И. Пастушкова, Л. Семенова

ИБ № 4203

Сдано в набор 03.07.90. Подписано к печати 29.11.90. Формат бумаги 84×108/32.
Бумага тип. № 2. Гарнитура школьная. Печать высокая. Условн. печ. л. 20,16. Услови.
кр.-отт. 20,74. Учетн.-издат. л. 22,74. Тираж 15 000 экз. Заказ № 98. Цена 1 руб. 10 коп.

Башкирское книжное издательство. 450000, Уфа-центр, ул. Советская, 18. Уфимский
полиграфкомбинат Госкомиздата Башкирской ССР. 450001, Уфа-1, проспект Октября, 2.

